

**Архив Президента Российской Федерации
Российское историческое общество
Фонд «История Отечества»
Германский исторический институт в Москве**

ВЕСТНИК АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СССР — ГЕРМАНИЯ
1932–1941

Москва
ИстЛит
2019

УДК 930.25(47+57:430)<1932/1941>
ББК 79.347.1(2)614
В38

Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия. 1932–1941. Издание дополненное и расширенное. Главный редактор С. В. Кудряшов. — М.: Издательство «Историческая литература», 2019. — 640 с. Илл. 32.

ISBN 978-5-6040416-8-0

В сборнике публикуются документы из Архива Президента Российской Федерации, рассекреченные в последние годы, которые иллюстрируют различные аспекты взаимоотношений СССР и Германии в межвоенный период, а также деятельность высшего советского руководства накануне и в начале Второй мировой войны. Издание снабжено научным предисловием и расширенным справочным аппаратом.

УДК 930.25(47+57:430)<1932/1941>

ББК 79.347.1(2)614

«Вестник Архива Президента Российской Федерации» издан при содействии Фонда «История Отечества», Российского исторического общества и Германского исторического института в Москве.

Редакция выражает благодарность за помощь в подготовке издания руководителю Администрации Президента Российской Федерации А. Э. Вайно и председателю Российского исторического общества С. Е. Нарышкину.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в «ИПК Парето Принт» 107546, Тверская область, Боровлево–1.

ISBN 978-5-6040416-8-0

© Издательство «ИстЛит», 2019

© С. В. Кудряшов, предисловие, составление, 2019

Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 годах¹

Долгое время исследования советско-германских отношений 1933–1941 гг., как, впрочем, и всей внешней политики СССР, страдали от засекреченности важнейших советских источников. В 1990-е годы, с началом публикации документальной серии МИДа, материалов из архивов партии и Коминтерна, положение стало постепенно меняться². Ряд историков получили доступ к закрытым материалам, что позволило осветить новые вопросы и поднять дискуссию на более высокий уровень³. Однако специфика российских ведомственных архивов, не допускающих ученых к описям фондов и тем самым не дающих возможности оценить весь источниковедческий фундамент темы, по-прежнему мешает развитию науки. Вот почему любое рассекречивание массивов документов из ведомственных хранилищ приобретает принципиальное значение.

В 2008 г. в Архиве Президента Российской Федерации были рассекречены дела по советско-германским отношениям в период между Первой и Второй мировыми войнами. Это, несомненно, огромное приобретение для науки, поскольку в этом архиве находились документы, отбравшиеся специально для нужд Политбюро, а с 1930 г., когда заведующим особым сектором ЦК стал Александр Поскребышев, — главным образом для И. В. Сталина.

Большинство материалов по советско-германским отношениям собраны в фонде № 3 (Политбюро). Фонд Политбюро делится, как и принято в архивной практике, на тематические разделы, представленные в соответствующих описях. Опись 64 содержит архивные дела, относящиеся к международным отношениям. «Германские вопросы» собраны в делах 638–692 различного объема и содержат 8284 листа. Поскольку они фиксировали лишь то, что обсуждалось или бралось на заметку в Политбюро либо по какой-то причине интересовало лично Сталина, на основании этих дел невозможно восстановить в подробностях все перипетии советско-германских отношений. К тому же, как это ни огорчительно для историков, многое решалось в устных и телефонных разговорах, не оставляя письменных следов. Тем не менее наиболее принципиальные сюжеты нашли отражение в документах из АП РФ.

¹ Данное предисловие является переработанной и дополненной версией предисловия, написанного в сотрудничестве с бывшим директором Германского исторического института в Москве профессором Берндом Бонвечем к изданию 2009 г. К сожалению, Бернд ушел из жизни в октябре 2017 г. Поскольку в новой редакции даются личные оценки современных историографических тенденций, я посчитал не совсем этичным ставить фамилию Бернда. Все суждения и выводы в публикуемом тексте — на совести и репутации автора.

² Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы: В 2-х т. М., 1990; Документы внешней политики. Т. XXII: 1939 (Далее — ДВП). В 2-х кн. М., 1992; Т. XXIII. 1940 — 22 июня 1941: В 2-х (1, 2–1, 2–2) кн. М., 1995–1998; Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942. М., 2000; Коминтерн и Вторая мировая война: В 2-х т. М., 1994–1998; Коминтерн против фашизма. Документы. М., 1999; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки» 1923–1939 гг. М., 2001; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг. Документы. М., 2004.

³ Fleischhauer, I. Der Pakt. Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938–1939. Berlin, 1990 (Пер. на русский язык: Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1990); Gorodetsky, G. Grand Delusion. Stalin and the German Invasion of Russia. New Haven, 1999 (рус. издание: Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999); Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008; Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000 (в отличие от русского издания, немецкое опубликовано со ссылками на источники: Besymenski, L. Stalin und Hitler. Das Pokerspiel der Diktatoren. Berlin, 2002).

В архивный порядок многие материалы Политбюро стали приводиться лишь в середине 1960-х и главным образом в 1970-е годы. Поэтому структура фондов сложилась лишь со временем, а описи, заголовки дел и пр. оформлены только в конце 1970-х годов⁴. Важно понимать, что архив Политбюро не систематический — в нем не представлены ежедневные решения по всем государственным вопросам. Фонд формировался не ровно: какие-то материалы освещают отдельные сюжеты очень подробно, какие-то только поверхностно, а некоторые вопросы не отражены совсем. Соответственно, эти документы требуют обязательного сопоставления с другими коллекциями российских и немецких архивов⁵.

Большая часть дел по Германии — это документы, собранные под рубрикой «Политические и экономические отношения» за период с мая 1920 г. по 16 июня 1941 г., всего 27 дел (№ 644–670). Отдельно представлены сюжеты: «Германия. Рапалльский договор и договор о нейтралитете» (№ 671), «Германия. Договор о ненападении и Договор о дружбе и границах между СССР и Германией» (№ 673–675) и одиннадцать дел, составляющих группу под заглавием «Германия. Взаимоотношения с СССР» (№ 676–686). Эта группа содержит в основном источники по разным второстепенным политическим темам (№ 676–678) или документы по такому, например, маловажному делу, как «Обыск в торговом представительстве СССР» 1924 г. (№ 679–680), не попавшие в подборку документов об «экономических и политических взаимоотношениях». Любопытно, что здесь содержатся сделанные советской стороной записи разговоров с немецкими послами в МИДе. Есть еще группа из четырех дел, объединенных темой «Германия. Внутриполитическое положение» (№ 689–692). Один из интереснейших документов в этой группе — десятистраничный отчет посла Деканозова от 21 мая 1941 г. о деле Рудольфа Гесса⁶. После 2008 г. в АП РФ были рассекречены дела из других описей. Настоящее издание дополнено новыми материалами из описей № 50 «Вооруженные силы СССР», № 58 «Государственная безопасность и охрана общественного порядка» и № 63 «Международные вопросы».

Советская политика в отношении Германии в 1920-е годы

Для того чтобы читателю стали понятнее отношения Германии и Советского Союза в 1933–1941 гг. и споры историков по этому поводу, остановимся на предыстории вопроса⁷. Обе страны (наряду с Турцией) оказались париями созданной в 1919 г. в Париже послевоенной системы. По словам Вальтера Ратенау, в то время председателя правления Всеобщей компании электричества, а позже немецкого министра иностранных дел, эти страны составили «Салон отверженных», который, в конце концов, мог подорвать союз победителей⁸. Германия была больше всего

⁴ Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Личный архив Сталина — засекречен или ликвидирован? // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 21–38; Brent, Jonathan: Inside the Stalin archives: discovering the new Russia. New York, 2008; См. также выпуски Вестника Архива Президента. М., 2006–2018.

⁵ Как одно из лучших начинаний такого рода см. многотомное издание: Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus Russischen und Deutschen Archiven. Bd. 1–2. München, Berlin, 2014–2019.

⁶ См. документ № 262 в настоящем издании.

⁷ Большинство документов из АП РФ по советско-германским отношениям за период 1920-х годов опубликованы в трехтомном издании: Москва–Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Сб. документов в 3-х т. М., 2011. Однако существенные материалы политического характера по 1930-м годам в это издание не вошли.

⁸ Krummacker, F. A., Lange, H. Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen. Von Brest-Litowsk zum Unternehmen Barbarossa. München, 1970. S. 74.

заинтересована в пересмотре государственных границ, политических и военных ограничений, а также экономических и финансовых повинностей, навязанных ей победителями. В свою очередь Советская Россия стремилась воспрепятствовать объединению противников в новую коалицию. Совместное противостояние Версальской системе нашло наиболее отчетливое выражение в тайном сотрудничестве рейхсвера и Красной армии, а политически было оформлено в Рапалльском договоре от 16 апреля 1922 г.⁹

Для первой половины 1920-х годов можно без преувеличения говорить об особых отношениях обоих государств. Но когда Германия под руководством канцлера Лютера и министра иностранных дел Штресемана начала в 1925 г. проводить «политику Локарно», искать для себя *modus vivendi* с державами-победительницами и стремиться вступить в Лигу Наций, короткая фаза советско-германского альянса против Версаля закончилась¹⁰. Правда, СССР хотел Берлинским договором 1926 г. сохранить остатки солидарности с Германией в форме пакта о дружбе и нейтралитете¹¹. Но, конечно, Москва уже не могла видеть в Германии надежного партнера по союзу против держав – победительниц Первой мировой войны.

Переориентацию советской внешней политики под знаком «коллективной безопасности» колоритно воплощал М. М. Литвинов¹². Разумеется, окончательные решения по важнейшим вопросам принимали Политбюро и лично Сталин. Однако назначение Литвинова, несомненно, свидетельствовало о смене курса, который по духу соответствовал немецкой политике Локарно. Он был направлен на сближение с Западом, на интеграцию Советского Союза в международную систему и в то же время не пренебрегал соблюдением общих советско-германских интересов на Востоке, особенно в отношении Польши. Расширившийся спектр интересов советской политики получил программное выражение в учреждении 16 мая 1932 г. секретного Бюро международной информации (БМИ) при ЦК ВКП(б) и поставленных перед ним задачах¹³. Благодаря этой политике Советскому Союзу удалось предпринять шаги к преодолению международной изоляции. Наглядный пример — присоединение к пакту Бриана — Келлога и, особенно, подписание по советской инициативе «протокола Литвинова», в котором стороны осуждали войну как средство решения международных конфликтов. Одновременно Советский Союз продлил Берлинский договор с Германией¹⁴. При этом советско-польский пакт о ненападении от 25 июля 1932 г., стоявший в одном ряду с договорами, заключенными с Финляндией, Эстонией, Латвией и Францией, но имевший особое значение для отношений с Германией,

⁹ Carr, E. H. *German-Soviet Relations between the Two Wars*. Baltimore, 1951; Zeidler, M. *Reichswehr und Rote Armee 1920–1933. Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit*. München, 1993; Dyakov, Y., Bushueva, T. *The Red Army and the Wehrmacht*. Amherst, 1995 (Рус. издание: Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. *Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер*. М., 1992); Горлов С. А. *Совершенно секретно*. Москва — Берлин, 1920–1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М., 1999; Кантор Ю. З. *Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930 годы*. СПб., 2009; Beitel, W., Nötzold, J. *Deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen in der Zeit der Weimarer Republik*. Baden-Baden, 1979.

¹⁰ Krüger, P. *Die Außenpolitik der Republik von Weimar*. Darmstadt, 1985. S. 269–301.

¹¹ Krüger. *Außenpolitik*. S. 315–319.

¹² Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 250. См. также одну из лучших и наиболее подробных современных работ по советской внешней политике 1920-х годов: Carley, M. J. *Silent conflict: a hidden history of early Soviet-Western relations*. Lanham et al., 2014.

¹³ Решение Политбюро от 1.4.1932 г. // Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». М., 2001. С. 281–282.

¹⁴ Ратифицирован он был лишь в мае 1933 г.

показывал, что Москва уже не рассматривает изменение политики Рапалло как временное явление¹⁵. Тем не менее концепция «коллективной безопасности» поначалу включала и Германию. Более того, Литвинов шел на договор с Польшей с такой неохотой, что Каганович, считавший себя посвященным в тайные мысли Сталина, в ходе переговоров с Польшей даже неоднократно упрекал руководство МИДа в «германофильстве»¹⁶.

Несмотря на отказ от односторонней ориентации на Германию и на работу по постепенному преодолению международной изоляции, Советский Союз продолжал страдать от недостаточной «легитимности» и раздражающе двойственного характера своей внешней политики, колеблющейся между внутренней направленностью на революцию и внешним сохранением status quo среди государств на международной арене. Отчасти поэтому некоторые европейские государства, а также Соединенные Штаты пока отказывали СССР в дипломатическом признании, а также во вступлении в Лигу Наций. К тому же затяжной конфликт с Великобританией, приведший к разрыву дипломатических отношений в 1927–1929 гг., отрицательно сказывался на международном положении страны в целом¹⁷. В этой неустойчивой ситуации в Германии начался стремительный подъем национал-социализма. Его политическое значение недооценивалось многими и в Германии и за рубежом, однако советская сторона делала это совершенно особым образом¹⁸. Известно классическое — одобренное Сталиным — определение фашизма, данное в тезисах XIII пленума ИККИ 12 декабря 1933 г., а также в резолюциях VII Всемирного конгресса Коминтерна 20 августа 1935 г. Там утверждалось, что фашизм — «это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹⁹. Вместе с тем это понимание сложилось только через несколько месяцев после «захвата власти» и означало поправку к «недооценке» опасности фашизма «некоторыми товарищами», как загадочно выразился Димитров, имея на самом деле в виду официальное руководство Коминтерна. Дело в том, что до этого поворота, в основном по настоянию немецких и польских коммунистов, с 1929 г. главным врагом рабочего класса объявлялись социал-демократы. Поэтому стратегия борьбы с фашизмом предусматривала «главный удар» по социал-демократии, как заявил, например, Эрнст Тельман, выступая перед ЦК КПГ в мае 1932 г.²⁰

Кампания против СДПГ разворачивалась под лозунгом «социал-фашизма». Эта характеристика социал-демократии, уже наметившаяся в связи с обсуждением программы на VI конгресс-

¹⁵ Pietrow, B. Stalinismus, Sicherheit, Offensive. Das Dritte Reich in der Konzeption der sowjetischen Außenpolitik 1933 bis 1941. Melsungen, 1983. S. 30–32.

¹⁶ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 213.

¹⁷ Подробнее см.: Gorodetsky, G. The Precarious Truce: Anglo-Soviet Relations 1924–1927. Cambridge, 1977; Carr, E. H. The Twenty Years Crisis 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London, 1981; Doerr, P. W. British Foreign Policy, 1919–1939. Manchester, 1998.

¹⁸ Luks, L. Anmerkungen zu den Fehleinschätzungen des Nationalsozialismus durch den Bolschewiki und die Kommunistische Internationale. In: Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung, 2009. S. 299–314; Weingartner, T. Stalin und der Aufstieg Hitlers. Die Deutschlandpolitik der Kommunistischen Internationale 1929–1934. Berlin, 1970.

¹⁹ «Тезисы, принятые XIII пленумом ИККИ по докладу т. Куусинена», 12. 12. 1933 г., и резолюции VII конгресса Коминтерна, 20.8.1935 г. // Коминтерн против фашизма. № 87. С. 309; Georgi Dimitroff. Ausgewählte Schriften, Bd. 2, Berlin, 1958. S. 525. См. также: Галактионов Ю. В. Отечественная историография германского фашизма (20-е годы — первая половина 90-х годов). Кемерово, 2005. С. 48–66; Lewerenz, E. Analyse des Faschismus durch die Kommunistische Internationale. Berlin, 1975.

²⁰ Weingartner, Aufstieg. S. 159.

се Коминтерна в 1928 г., восходит к высказыванию Сталина (1924) о ситуации в Италии. Сталин назвал социал-демократию и фашизм «близнецами» и сказал, что «социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма». В конце 1920-х годов в связи с борьбой Сталина и его окружения против Бухарина и «правого уклона» это определение было вновь извлечено на свет и стало официальной позицией Коминтерна²¹. В Исполкоме Коминтерна даже создали специальную «комиссию по социал-фашизму»²².

Не в последнюю очередь и сам Сталин форсировал в Политбюро критику социал-демократов, которые якобы препятствуют борьбе масс против фашизма²³. Это продолжалось даже после захвата власти НСДАП. В частности, он лично редактировал большую часть проекта резолюции президиума Исполкома Коминтерна о положении в Германии, санкционированной Политбюро 31 марта 1933 г. При этом Сталин вычеркнул из проекта замечания о том, что фашистский террор направлен отчасти и против социал-демократии, и вместо этого внес слова о том, что установление фашистской диктатуры, в конечном счете, является виной социал-демократии и итогом ее сотрудничества с буржуазными партиями²⁴. Эти замечания были для генерального секретаря ЦК ВКП (б) настолько важны, что он (прямо-таки сенсационный отход от его обычных приемов) отказался от традиционного карандаша, а взялся за ножницы, бумагу и клей. Уже в первой редакции было ясно, что Сталин более трезво оценивает положение в Германии, чем опьяненные собственной риторикой функционеры Коминтерна. Сталин явно не разделял их оптимизма по поводу того, что «революционный подъем в Германии, вопреки фашистскому террору, неизбежно будет нарастать». Он оставил мысль о нарастании революционного подъема, однако добавил, что имеет место «нынешнее затишье после победы фашизма», который представляет собой «временное явление». Он отметил красным карандашом на полях: «Нечего хорохориться. Надо признать, что они победили пока что». Разумеется, и здесь не обошлось без указания на вредное влияние социал-демократии, от которого фашистская диктатура избавила массы, ускорив тем самым развитие пролетарской революции в Германии²⁵.

Одержимость борьбой с социал-демократией привела КПГ даже к совместным акциям с НСДАП. Наибольшую известность получила забастовка рабочих берлинского транспорта в ноябре 1932 г., организованная коммунистами и национал-социалистами²⁶. И все же, когда молодой функционер КПГ Вальтер Ульбрихт 22 января 1931 г. выступал на нацистском митинге в публичном зале берлинского района Фридрихсхайн в присутствии гауляйтера Геббельса,

²¹ Галактионов Ю. В. Отечественная историография... С. 15–48; Lange, P. H. Stalinismus versus «Sozialfaschismus» und «Nationalfaschismus». Göppingen, 1969; Pietrow, Stalinismus. S. 75–82.

²² См.: Коминтерн против фашизма. № 57. С. 66–68. См. также: T. Rees/F. Thorpe (Eds.). International Communism and the Communist International 1919–1943. Manchester, 1998; McDermott, K., Agnew, J. The Comintern: A History of International Communism from Lenin to Stalin. New York, 1997.

²³ См., например: Б. Пятницкий — Сталину, 16.4.1931 г. и 10.5.1932 г. // Политбюро и Коминтерн. 1919–1943. С. 643–644, 655–660.

²⁴ Выдержка из протокола № 134 Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 апреля 1933 г. с решением (циркулярный порядок) Политбюро от 31.3.1933 г. по проекту резолюции ИККИ от 29 марта 1933 г. См. документ № 5 в настоящем издании. Ср.: Политбюро и Коминтерн. 1919–1943. С. 688–689, примеч. 1. См. также более раннюю редакцию проекта резолюции от 20 марта 1933 г., которую Пятницкий в тот же день передал Сталину, Молотову и Кагановичу: Коминтерн против фашизма. № 77. С. 291–298.

²⁵ Пятницкий — Сталину, Молотову, Кагановичу. См. документ № 4 в настоящем издании.

²⁶ Weingartner. Aufstieg. S. 153; Krummacher/Lange. Krieg und Freiden. S. 246.

объединяла их, разумеется, не общая цель, а общий враг: Веймарская республика и ее важнейшая парламентско-демократическая опора — социал-демократия.

Очевидно, что борьба с немецкими социал-демократами имела и внешнеполитические аспекты. Именно СДПГ в конце 1926 г. сделала публичным скандал о тайном сотрудничестве между рейхсвером и Красной армией. СДПГ также критиковала сотрудничество буржуазных и правых партий с Советским Союзом, отождествляя советский коммунизм с фашизмом; кроме того, именно СДПГ вместе с умеренными буржуазными партиями, входившими в коалицию, проводила внешнюю политику с ориентацией на западные державы²⁷. В чем СДПГ не знала себе равных, так это в антикоммунизме, и КПП была одним из ее главных врагов. Однако социал-демократы никогда не шли на тактические альянсы с национал-социалистами или другими правыми партиями. Поэтому, как это ни парадоксально, подъем НСДАП положительно сказался на внешнеполитическом положении Советского Союза. Несмотря на антиеврейскую и одновременно антибольшевистскую пропаганду, конкретные цели нацистов выглядели в первую очередь гарантией возобновления политики против «версальского унижения», воплощенной в свое время в Рапалльском договоре. Сталин упомянул об этом в конце 1931 г. в разговоре с Гейнцем Нейманом, но в целом такой вывод был достаточно очевиден²⁸. Замечание Сталина в резолюции Исполкома Коминтерна, что национал-социалисты «пока что» победили, свидетельствует о том, что он готовился использовать эту ситуацию. Подобный поворот немецкой внешней политики не только уменьшал непосредственную опасность любого единого фронта европейских держав против Советского Союза, но и повышал ценность СССР как возможного партнера для государств, заинтересованных в сохранении Версальской системы. Особенно это касается Франции и Чехословакии, но, в конечном счете, и Польши. В 1933 г. гитлеровская Германия представляла угрозу прежде всего для Польши и Чехословакии; для Советского Союза опасность если и существовала, то лишь в долгосрочной перспективе и только при условии успехов Германии в борьбе против Версальского договора. С другой стороны, у СССР появлялась возможность как минимум для попытки нового сближения с Германией в духе Рапалльского договора, хотя из-за откровенно антикоммунистического настроения НСДАП эта перспектива могла показаться иллюзорной.

Советский Союз и Третий рейх

В исторической науке представлены разные суждения о советской политике в отношении нацистской Германии. Известна полемическая концепция Роберта Такера, согласно которой Сталин даже «косвенно способствовал» захвату власти Гитлером, постоянно стремился к сотрудничеству с Германией, получившему окончательное оформление в 1939 г., что, в конце концов, привело к развязыванию новой войны²⁹. Подобные взгляды отражали идеи, широко распространенные в околонучной литературе раннего периода Холодной войны. Так, еще в 1962 г. немецкий писатель Филип Фабри опубликовал книгу о советско-германском пакте 1939 г., в которой ключом к пониманию всех проблем предвоенной Европы считал злонамеренное поведение Советского

²⁷ Zarusky, J. Die deutschen Sozialdemokraten und das sowjetische Modell. Ideologische Auseinandersetzung und außenpolitische Konzeptionen 1917–1933. München, 1992.

²⁸ Buber-Neumann, M. Von Potsdam nach Moskau. Stationen eines Irrweges. Stuttgart, 1957. S. 284.

²⁹ Tucker, R. C. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. New York, 1980. P. 223–237, 342.

Союза и его «агрессивную» внешнюю политику³⁰. Традиция свалить все на Сталина (коммунистов, большевиков, СССР и пр.) никогда не умирала в германской историографии. Правда, она в большей степени стала уделом праворадикальной, экстремистской литературы³¹.

В том же ключе и наиболее последовательно в российской историографии интерпретирует политику Сталина Сергей Случ. Он убежден, что Сталин был чрезвычайно заинтересован в прямом сотрудничестве с нацистской Германией и даже стремился «принудить» ее к дружественной политике, угрожая прекращением военных контактов³². В Кремле, по мнению российского историка, были «чрезвычайно довольны обострением отношений между Германией и западными державами», проявившимся в выходе Германии из Лиги Наций и ее неучастии в международной конференции по разоружению в 1933 г.³³ Он считает, что за сотрудничество с Германией Сталин готов был платить хотя и не любую, но все же «очень высокую» цену. Поэтому политика «коллективной безопасности» есть «тактический ход, удобный камуфляж генеральной линии сталинской стратегии». Эта стратегия была направлена на раскол мира, на натравливание государств друг на друга, углубление вспыхивающих международных противоречий и конфликтов и, в конечном счете — на перенесение марксистско-ленинского учения о классовой борьбе в область международных отношений³⁴. Скажем определенно: такое могло быть, но нельзя утверждать, что именно так и было. Нельзя доказать, что Сталин руководствовался именно теми соображениями и целями, которые ему приписывает Случ. Тезисы подобных авторов представляют собой не обязательную модель интерпретации мышления и побудительных мотивов Сталина. Отдельные его действия исследователи подгоняют под эту модель. Из самих же действий модель никак не явствует. Большая часть принимавшихся мер и засвидетельствованных источниками высказываний, на которые ссылается Случ, допускает и другую интерпретацию.

Это можно показать на примере военного сотрудничества, которое с точки зрения обеих сторон давно утратило конкретную ценность: для немцев потому, что после признания Францией и Англией в 1932 г. равноправия Германии в вопросе о вооружениях они уже не считали необходимыми тайные проекты вооружения за границей; для советской стороны потому, что она уже не видела для себя какой-либо пользы от немецкой активности, но ощущала, что ее используют, как сказал 12 марта 1932 г. нарком Ворошилов советскому представителю в Берлине³⁵.

Скорее, можно угадать политические соображения советской стороны, а именно нежелание отягощать и без того натянутые отношения с Берлином. Тем не менее подобная политическая сдержанность потеряла всякий смысл после прихода к власти Гитлера, когда в Германии началась, по словам Литвинова, травля всего, «что носит название советского»³⁶. Прекращение

³⁰ Fabry, Ph. W. *Der Hitler-Stalin-Pakt*. Darmstadt, 1962. Несмотря на резкую критику оппонентов, через десять лет Фабри воспроизвел свои взгляды в более пространной работе: Idem. *Die Sowjetunion und das Dritte Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen von 1933 bis 1941*. Stuttgart, 1971.

³¹ Как пример, см.: Schultze-Rohnhof, G. 1939. *Der Krieg, der viele Väter hatte. Der lange Anlauf zum Zweiten Weltkrieg*. München, 2018.

³² Slutsch, S. *Stalin und Hitler 1933–1941. Kalküle und Fehlkalkulationen des Kreml*. In: J. Zarusky (Hg.). *Stalin und die Deutschen*. München, 2006. S. 62.

³³ Slutsch. *Stalin und Hitler*. S. 63.

³⁴ Slutsch. *Stalin und Hitler*. S. 63–64.

³⁵ Кантор Ю. З. *Закаятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е гг.* СПб., 2009. С. 99–100. См. также на с. 67 суждение И. С. Уншлихта от 1.2.1927.

³⁶ Slutsch. *Stalin und Hitler*. S. 59.

сотрудничества не было односторонним актом — в нем участвовали обе стороны. Например, о закрытии немецкого учебно-летнего центра в Липецке «наши друзья», как выразился начальник 4-го управления штаба РККА Берзин в донесении наркому Ворошилову, заявили уже в январе 1933 г. Школу должны были закрыть осенью по финансовым соображениям³⁷. Закрытие других центров и прекращение совместного участия офицеров в штабных маневрах и прочих мероприятиях основывалось на двусторонних решениях, хотя военные постоянно заверяли, что с удовольствием продолжили бы сотрудничество. Удивительно, насколько гладко и бесшумно все прошло, как мало при этом было побито политической посуды³⁸. Благодарственное письмо фон Бломберга после закрытия немецких учебных пунктов выдержано в самых теплых тонах³⁹. Никаких следов «принуждения» с советской стороны в нем не обнаруживается.

За исключением продления Берлинского договора 5 мая 1933 г., новое немецкое руководство не проявило ни малейших признаков расположения к Советскому Союзу. Только в 1933 г. СССР отправил Берлину 217 протестов по поводу грубого преследования советских граждан и учреждений в Германии⁴⁰. Молотов, будучи одним из ближайших к Сталину людей, в разговоре с послом Дирксеном 4 августа 1933 г. ясно дал понять, что советское правительство очень серьезно относится к антисоветским выходкам новых немецких властей и намерено учесть это при выработке своей политики в отношении Германии⁴¹.

Мы не разделяем взгляды авторов, которые считают подобные протесты и жалобы на то, что немецкая внешняя политика проводится «за счет СССР»⁴², лишь «показной» стороной политики Сталина, ничего не говорящей о его подлинных намерениях⁴³. Истинные намерения советской политики необходимо выяснять в каждой конкретной ситуации. И, к сожалению, это не всегда можно сделать с полной уверенностью. Безусловно, Советский Союз не был заинтересован в разрыве отношений с Германией. Ради сохранения неплохих отношений с Берлином Кремль мог пойти и на некоторые сомнительные шаги. Так, секретарь ЦИК Авель Енукидзе заявил в августе 1933 г. в беседе с послом Дирксеном, советником посольства фон Твардовским и заместителями Литвинова Крестинским и Караханом, что устранение внутривосточной оппозиции в Германии благоприятно для развития советско-германских отношений. Енукидзе сослался при этом на личное мнение Сталина. Впоследствии советские официальные лица сделали еще несколько заявлений, якобы, без ведома Литвинова⁴⁴. Действительно ли это так, а главное, действительно ли между Литвиновым и Сталиным существовало по этому поводу реальное разногласие или

³⁷ Антонов — И. Сталину, 4.8.1933. См. документ № 13 в настоящем издании.

³⁸ Zeidler. Reichswehr und Rote Armee. S. 283–307; Горлов С. А. Совершенно секретно. С. 285–310.

³⁹ Бломберг — Ворошилову, 29.9.1933. См.: Dyakov/Bushueva. Red Army. P. 308.

⁴⁰ Haslam. Struggle for Collective Security. P. 11. См.: Документы внешней политики СССР. Т. 16. С. 814.

⁴¹ Записка Молотова Сталину, 5.8.1933. См. документ № 12 в настоящем издании.

⁴² Так выразился Литвинов в разговоре с министром иностранных дел Нейратом 29 марта 1933 г. См. документ № 10 в настоящем издании.

⁴³ Slutsch. Stalin und Hitler. S. 63. Аналогичной точки зрения придерживается Александр Некрич. Он считает, что Сталин вел двойную игру: с одной стороны, «официальная» политика сближения с Францией и ее союзниками, с другой — «неофициальная» (настоящая) политика стремления к сотрудничеству с фашистской Германией. Nekrich, A. Pariahs, Partners, Predators: German-Soviet relations, 1922–1941. New York, 1997. P. 63–101.

⁴⁴ Pietrow. Stalinismus. S. 39–41.

речь идет просто о проблемах согласования или даже разделении труда, — неизвестно. По крайней мере, Литвинов выразил в разговоре с послом фон Дирксеном 17 октября 1933 г. удивительно большое сочувствие немецкой политике в связи с выходом из Лиги Наций и уходом с международной конференции по разоружению⁴⁵. Таким образом, налицо попытки завязать отношения с новым режимом в Берлине.

Однако советская политика по отношению к Германии была явно неоднозначной и никоим образом не определялась соображениями только морали. Об этом можно, конечно, пожалеть, но в этом она принципиально не отличалась от поведения других государств. Советский Союз (Сталин) стремился учитывать в отношениях с Германией собственные интересы, а не упражнялся в псевдопротестах, с одной стороны, или в «попытках подольститься» — с другой, как это получается у Случа. Торговые отношения сохранялись, поскольку были выгодны обеим сторонам, резкой личной критики избегали, но в важных делах проявляли твердость. В частности, советские документы по поводу конфликта из-за допуска советских корреспондентов на Лейпцигский процесс о поджоге Рейхстага осенью 1933 г. показывают, что в Политбюро не только приняли ответные меры в отношении представителей национал-социалистической прессы в Москве, но и готовы были выслать всех немецких корреспондентов. Литвинов уладил это дело в Берлине в беседе с министром иностранных дел Нейратом и посоветовал Москве не требовать от немцев публичных извинений. Рекомендацию Литвинова приняли, однако решили не отказываться от выражения собственного отношения к процессу в советской прессе, хотя из соображений политического такта сознательно избегали называть по имени отдельных лидеров НСДАП. Для этого даже создали специальную комиссию по контролю над прессой⁴⁶.

В последующие месяцы продолжались резкие ответы советской стороны на немецкие нападки на Советский Союз и его представителей⁴⁷. От некоторых протестов воздерживались, чтобы не поставить под угрозу другие цели, прежде всего переговоры по торговле и кредитам, а также поставкам вооружений. Это касается, к примеру, антисоветских высказываний Рудольфа Гесса в Данциге в начале апреля 1935 г. и выходок ведущих представителей НСДАП на съезде НСДАП в Нюрнберге в сентябре 1935 г. Нарком Литвинов каждый раз предлагал заявить протест, но Политбюро отклоняло его предложения по рекомендации заместителя Литвинова Крестинского, который разъяснил 16 сентября 1935 г., что пользы от протеста будет меньше, чем вреда, и сослался на то, что в Нюрнберге не было личных нападков ни на кого из советских руководителей. Отклонение протестов было непосредственно связано с решениями по ожидавшимся от Германии кредитам или поставкам⁴⁸.

В интерпретации резких критиков сталинской политики протесты Москвы приобретают характер чистого очковтирательства. Так, отказ от протеста по поводу съезда НСДАП в Нюрнберге в 1936 г., несмотря на повторное предложение Литвинова, Случ находит «странным» и видит в нем также признак двойной игры⁴⁹, однако никакими источниками это не под-

⁴⁵ Slutsch. Stalin und Hitler. S. 63–64.

⁴⁶ См. документы № 15 и др. в настоящем издании.

⁴⁷ См., например, проект комментария для газеты «Известия», который заместитель наркома иностранных дел Крестинский послал 19.5.1934 г. Сталину: документ № 41 в настоящем издании.

⁴⁸ См.: Литвинов — Сталину, 7.4.1935 г., Крестинский Сталину, 16.9.1935 г., выдержка из протоколов заседаний Политбюро 7.4. и 19.9.1935 г. — документы № 69, 71 и др. в настоящем издании.

⁴⁹ Slutsch. Stalin und Hitler. S. 69–70.

тверждает. В той же мере упрек в двойной игре и очковтирательстве можно адресовать и всем остальным европейским правительствам, которые относились к национал-социализму и его внешней политике, мягко говоря, без восторга, протестовали против некоторых его мер и все же пытались найти некий способ мирного сосуществования с Третьим рейхом. Не будем говорить о малодушной реакции держав-победительниц на нарушение Германией военных статей Версальского договора, включая оккупацию Рейнской области и возврат к воинской повинности.

Отнюдь не все историки, специально занимавшиеся внешней политикой Советского Союза и его отношениями с Германией в 1930-е годы, согласны с суждениями Такера, Случа и Некрича. Такие исследователи, как Ханс-Адольф Якобсен, Бьянка Пьетров, Джонатан Хаслам, Тедди Ульдрикс, Майкл Карлей, Лев Безыменский и другие видят в советской политике «коллективной безопасности» адаптацию к реальным условиям⁵⁰. Хаслам считает, что советская внешняя политика с момента захвата власти Гитлером вообще вошла в «прозападную» фазу, и предполагает, что Кремль всерьез стремился к «коллективной безопасности». Немецко-польское сближение, выразившееся в пакте о ненападении, подписанном 26 января 1934 г., усиливало, по мнению Хаслама, стремление СССР к успешному осуществлению этой политики⁵¹. При этом он рассматривает достижения «коллективной безопасности» весьма трезво, не видя в ней больших перспектив. Вероятно, он переоценивает личное влияние Литвинова на эту политику и ее «бескомпромиссное осуществление» до 1939 г., однако Сталин, бесспорно, нуждался в профессиональных качествах Литвинова. Тем не менее можно согласиться с тезисом Хаслама о том, что неуклонная враждебность Третьего рейха к Советскому Союзу, обрекавшая на неудачу все попытки сближения, была лучшей союзницей Литвинова и его концепции «коллективной безопасности». Сталин как «реалист» не закрывал на это глаза и стремился к успеху такой политики, даже если считал ее всего лишь меньшим злом, которому просто не было альтернативы, — полагает британский исследователь⁵².

Многие авторы считают, что Сталин лично принимал большое участие в развитии отношений с Германией. Непосредственно от него исходило несколько попыток улучшить отношения с Третьим рейхом. Поэтому действительно заметно различие во взглядах Сталина и Литвинова, которое, однако, не переросло в серьезное противостояние. Учитывая советскую субординацию, настоящий конфликт в любом случае был невозможен, что рельефно показала миссия Канделаки. Это была самая серьезная попытка установить контакты с руководством Третьего рейха до пакта о ненападении⁵³.

Давид Канделаки, своего рода «человек со стороны» в дипломатической службе, стал в декабре 1934 г. руководителем советского торгпредства в Берлине и явно пользовался доверием Сталина. В 1937 г. он был отозван обратно в Москву. Торговые взаимоотношения в 1933–1934 гг.

⁵⁰ Jacobsen, H.-A. Primat der Sicherheit. In: D. Geyer (Hg.). Sowjetunion. Außenpolitik 1917–1955. Köln, 1972. S. 213–269; Pietrow, B. Stalinismus, Sicherheit, Offensive. Das Dritte Reich in der Konzeption der sowjetischen Außenpolitik 1933 bis 1941. Melsungen, 1983; Haslam, J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. London, 1984; Ульдрикс Т. Дж. Политика безопасности СССР в 1930-е гг. // Советская внешняя политика в ретроспективе 1917–1991. М., 1993. См. также: Roberts, G. The Soviet Union and the Origins of the Second World War. London, 1995; Карлей М. Дж. 1939. Альянс, который не состоялся и приближение Второй мировой войны. М., 2005.

⁵¹ Haslam. Struggle for Collective Security. P. 36.

⁵² Slutsch. Stalin und Hitler. S. 64; Haslam. Foreign Policy. P. 19.

⁵³ См. документы в настоящем издании, а также: Besymenski. Stalin und Hitler. S. 62–88; Nekrich. Pariahs. S. 87–101, и литературу, указанную в: Slutsch. Stalin und Hitler. S. 66.

развивались очень хорошо, однако наметилось ухудшение⁵⁴. В этой ситуации Канделаки решением Политбюро было поручено с 5 декабря 1934 г. вести в Берлине переговоры о торговле и кредитах⁵⁵. Примечательно, что аппарат ЦК и комиссии, где заседали наркомы, в мельчайших подробностях информировали Сталина о ходе переговоров, а Политбюро не только принимало принципиальные решения, но и занималось составлением советских заявок на основании немецких кредитов вплоть до отдельных компрессоров и станков⁵⁶.

Благодаря своим контактам с Хьялмаром Шахтом и его референтом Гербертом Герингом, двоюродным братом Германа Геринга, Канделаки пытался улучшить не только торговые, но и политические отношения. Сталин, безусловно, поощрял попытки Канделаки и придавал этому аспекту его деятельности большое значение. Литвинов, чтобы Канделаки «в своем рвении мирить нас с Германией не наговорил лишнего», как он не без высокомерия выразился, сочинил для новичка в дипломатии «шпаргалку». В ней говорилось, что о существенных разговорах Канделаки должен немедленно информировать советского посла в Берлине⁵⁷. Сталин одобрил указания Литвинова, однако потребовал информировать не посла, а непосредственно ЦК, т.е. его самого. Канделаки несколько раз пользовался этим правом непосредственной связи, но организованные им контакты с Герингом не принесли желаемых результатов⁵⁸.

Литвинов в целом скептически смотрел на возможность успеха и рекомендовал Сталину более сдержанно относиться к торговле с Германией, чтобы не слишком сильно поддерживать немецкий фашизм, «который сейчас сталкивается с огромными трудностями в области экономики»⁵⁹. Но Сталин придерживался другого мнения. Его явно не пугали идеологические противоречия с национал-социализмом и внешнеполитические претензии последнего⁶⁰. Тем не менее указания давались Канделаки после согласования вопроса с Литвиновым, а не за его спиной. Решено было удовлетвориться рекомендованным наркомом кредитом, не превышающим 200 миллионов марок. Советская сторона ни в коей мере не хотела поступаться своими экономическими интересами в угоду улучшению политических отношений⁶¹. Поэтому Политбюро постановило проявлять уступчивость в отношении финансовых условий немецких кредитов, но не заключать договор, если немецкая сторона потребует ограничить

⁵⁴ Schwendemann, H. Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941. Berlin, 1993; McMurry, D. S. Deutschland und die Sowjetunion 1933–1936. Ideologie, Machtpolitik und Wirtschaftsbeziehungen. Köln, 1979. См. также: Müller, R.-D. Das Tor zur Weltmacht. Die Bedeutung der Sowjetunion für die deutsche Wirtschafts- und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen. Boppard, 1984.

⁵⁵ Выдержка из протокола заседания Политбюро от 5.12.1934 г. См. документ № 57 в настоящем издании.

⁵⁶ Соответствующие документы архива Сталина не могут быть помещены здесь из-за ограниченного объема. Однако см., например, телеграмму Сталина ЦК ВКП(б) от 14.9.1934 г. в приложении к протоколу заседания Политбюро от 15.9.1934 г. — документ № 50 в настоящем издании, а также решения Политбюро от 28.12.1934 г., 27.4.1935, 4.5.1935, 19.9.1935 г., документы № 58, 72–73, 81 в настоящем издании.

⁵⁷ Литвинов — Сталину, 5.5.1935 г., документ № 74 в настоящем издании.

⁵⁸ Канделаки — Сталину, 3.9.1935 г. и 20.10.1936 г., Канделаки — Сталину, Молотову и Розенгольцу, 18.12.1935, 20.1.1936, 28.8.1936 г., 17.3.1937 г. См. документы № 79, 96, 85, 87, 95, 100 соответственно в настоящем издании.

⁵⁹ Литвинов — Сталину, 3.12.1935 // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 211–212. Ср.: Slutsch. Stalin. S. 68–69, и Литвинов — Сурицу, 4.12.1935, цит. по: Besymenski. Stalin und Hitler. S. 78.

⁶⁰ Slutsch. Stalin und Hitler. S. 69.

⁶¹ См. постановление Политбюро от 28 декабря 1934 г. о заявке на обещанный Германией кредит в размере более 200 миллионов марок — документ № 58 в настоящем издании.

поставки⁶². В указании наркома внешней торговли, полученном Канделаки в феврале 1935 г., говорилось: «Нас совершенно не пугает последнее распоряжение немцев и их наступательная политика, ибо они в нас нуждаются больше, чем мы в них. Если немцы думают пойти на торговую войну с нами, они, вскоре убедятся, что в проигрыше останутся они, а не мы». И далее: «Четвертое: если немцы не примут этих условий, заявите, что мы откажемся от предлагаемых нам пятилетних кредитов на 200 миллионов марок, не берем на себя обязательства относительно размещения каких бы то ни было текущих заказов, уплату же за наш экспорт будем требовать в девизах, а платежи по задолженности Германии будем производить лишь в таких размерах, в каких это будет возможно при условии конъюнктуры». Эта позиция была подтверждена решением Политбюро от 3 марта 1935 г.⁶³

Действительно, Сталин не хотел из-за протеста против антисоветских высказываний Рудольфа Гесса в Данциге подвергать риску наконец-то достигнутые договоренности о поставках, поэтому Политбюро отклонило 7 апреля 1935 г. соответствующее предложение Литвинова⁶⁴. Но совершенно ясно, что эта дипломатическая мера была направлена на обеспечение немецких поставок, а не на завязывание политических отношений, даже если при этом и бралось в расчет желание не мешать предпринятым Канделаки попыткам. И, напротив, немецкому правительству без всяких колебаний предъявляли ультиматум, когда оно не хотело выполнять своих обязательств по поставкам, как, например, в случае дальномеров фирмы Цейс в апреле 1937 г. Нарком Аркадий Розенгольц с гордостью докладывал: «Наша угроза прекратить выполнение договоров в Германии по нефти и марганцевой руде подействовала, и немецкое правительство отменило запрещение на вывоз дальномеров Цейса. По имеющейся информации Шахт докладывал этот вопрос лично Гитлеру и Герингу»⁶⁵.

Миссия Канделаки — свидетельство того, что советское правительство заботилось в первую очередь о важных оборонных поставках, а желание в целом улучшить отношения с Германией играло подчиненную роль⁶⁶. Кроме того, эта миссия свидетельствует о прямом вмешательстве Сталина в политику по отношению к Германии, в чем и раньше практически не было сомнений. В расстреле Канделаки в 1938 г. можно найти «таинственный» смысл: он как будто пострадал за излишнюю осведомленность. Когда я ознакомился со следственным делом Канделаки при подготовке первого издания этой книги, оно не давало оснований усматривать в его гибели «германский» подтекст. Тогда, в 2009 г., я делал вывод, что Канделаки «попал» под общую волну репрессий в Наркомате внешней торговли⁶⁷. Сейчас, в 2019 г., я уже не так в этом уверен. Сталинская система устранения неугодных людей по надуманным обвинениям работала виртуозно. Чиновники всех рангов в НКВД и других службах безопасности очень быстро научились не оставлять следов на бумаге. Поэтому нельзя исключать, что Канделаки, очень гордившийся своей близостью к вождю, за это и пострадал.

⁶² Выписка из протокола заседания Политбюро от 3.9.1934 г. См. документ № 47 в настоящем издании.

⁶³ См.: Розенгольц — Канделаки, февраль 1935 г., и выписка из протокола № 22 заседания Политбюро от 3 марта 1935 г. — документы № 62, 64 в настоящем издании.

⁶⁴ См.: Литвинов — Сталину, 7.4.1935 г., и выписка из протокола № 24 заседания Политбюро в тот же день — документы № 69, 70 в настоящем издании.

⁶⁵ Розенгольц — Сталину, Молотову, 22.4.1937 г., документы № 101–102 в настоящем издании.

⁶⁶ См.: Потемкин — Сталину, 7.10.1937 г. — документ № 93. О судьбе немецких консульств в Советском Союзе на примере Новосибирска см.: L. & S. Belkovec. *Gescheiterte Hoffnungen. Das deutsche Konsulat in Sibirien 1923–1938*. Essen, 2004. S. 97–123.

⁶⁷ Мы выражали признательность ФСБ РФ за возможность ознакомиться с материалами по делу Канделаки.

Вмешательство Сталина в торгово-экономические переговоры недвусмысленно показывает: дело не в том, что Литвинов проводил «официальную» политику, а генсек — «неофициальную», а в том, что генсек иногда хотел от официальной политики других акцентов или нюансов. Более того, Сталину всегда импонировали личные контакты. В этом он видел возможность отбросить пропагандистскую риторику и договориться по каким-то важным вопросам. Литвинов никогда не имел возможности проводить внешнюю политику по своему разумению, и уж тем более по отношению к Германии. Но вопрос о том, исходила заинтересованность в улучшении советско-германских отношений в 1933–1941 гг. от Сталина лично или в целом от советской стороны, как настаивает Случ, в отношении пакта о ненападении остается дискуссионным⁶⁸. Аргументы Случа направлены в данном случае, хотя он не говорит об этом прямо, главным образом против решительного утверждения немецкого историка Ингеборг Фляйшхауэр, будто советско-германский пакт о ненападении заключен по инициативе немецких дипломатов⁶⁹.

Действительно, тезис Фляйшхауэр, что Сталин хотел этим договором предотвратить нападение Германии на Польшу, малопродуктивен⁷⁰. Но в отношении подготовки советско-германского пакта исследовательница внесла важную поправку. Прежде в западной науке существовало общепринятое утверждение, что инициатива при подготовке пакта принадлежала советской стороне⁷¹. Если судить непредвзято, то до заключения Мюнхенского соглашения именно советская сторона под давлением Сталина предпринимала попытки улучшить отношения с Германией, но безуспешно. При этом Советский Союз никоим образом не подчинял свои экономические и оборонные интересы надеждам на политическую разрядку и «хорошие» отношения. Однако именно Берлин с весны 1939 г. был заинтересован как по военным, так и по внешнеполитическим причинам в улучшении отношений с СССР. Обе стороны предпринимали шаги к сближению. Тем не менее советская сторона не готова была односторонне платить «очень высокую цену», и шаги навстречу Германии отнюдь не означают, что переговоры Сталина с Англией и Францией в 1939 г. велись лишь для вида или по тактическим соображениям.

Вплоть до весны 1939 г. советской политике не оставалось ничего другого, как опираться на двух- и многосторонние договоры в рамках концепции «коллективной безопасности». Это должно было способствовать укреплению территориального status quo, ограничить экспансионизм Третьего рейха и предотвратить создание единого фронта против Советского Союза. Новые документы из АП РФ показывают, что советское руководство было готово заключить пакт о ненападении с Германией еще в 1936 г. и серьезно надеялось на помощь в этом вопросе со стороны Англии и Франции⁷². Мы не можем проследить здесь за каждым шагом советского руководства. Однако по некоторым опубликованным материалам видно, что Политбюро серьезно занималось этими вопросами, а не вело, наряду с «официальной» политикой, еще и «неофициальную»⁷³.

⁶⁸ Haslam. Foreign Policy. P. 19; Slutsch., Stalin und Hitler. S. 87.

⁶⁹ См.: Fleischhauer, I. Der Pakt. Berlin, 1990.

⁷⁰ Fleischhauer, I. Der Pakt. S. 433–436.

⁷¹ См., например: Hillgruber, A. Der Zweite Weltkrieg, 1939–1945. In: D. Geyer (Hg.). Sowjetunion. Außenpolitik 1917–1955. Köln, 1972. S. 275–282; Watt, D. C. The Initiation of the Negotiations Leading to the Nazi-Soviet Pact: A Historical Problem. In: C. Abramsky (Ed.). Essays in Honour of E. H. Carr. London, 1974. P. 152–165.

⁷² См. документы № 89 и 90 в настоящем издании.

⁷³ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа... С. 305–370.

По ним, как и по документам Архива Президента, можно судить о том, что Советский Союз всегда был готов улучшить отношения с Германией или включить их в политику «коллективной безопасности», однако не хотел открыто выступать против Третьего рейха, как и против Италии⁷⁴.

По крайней мере, советская сторона не желала выступать активнее, а уж тем более в одиночку, по сравнению с двумя гарантами Версальского порядка в Европе — Францией и Великобританией. Именно эти державы постоянно показывали, что не готовы решительно выступить против Германии — ни сами по себе, ни в союзе с СССР. Германия уже пренебрегла всеми ограничениями Версальского договора по вооружениям, так и не встретив настоящего сопротивления со стороны победителей. Гражданская война в Испании вновь показала изоляцию СССР и нерешительность Франции и Англии⁷⁵. Реакция на «аншлюс» Австрии в марте 1938 г. еще раз подтвердила это.

В данном издании публикуется перевод записи беседы между А. Гитлером и Галифаксом от 19 ноября 1937 г., обнаруженной в трофейных документах германского МИДа после войны⁷⁶. Этот документ неоднократно воспроизводился в советское время, но без каких-либо внятных объяснений⁷⁷. Сейчас понятно, что запись беседы была переведена специально для Сталина и передана ему в отдельной папке. В ноябре 1937 г. лорда Галифакса, второго после премьеры чиновника в правительстве Соединенного Королевства, пригласили «на охоту» в Германию, во время которой он мог в неформальной обстановке встретиться с лидерами нацистской верхушки. Трехчасовая беседа лорда с фюрером состоялась 19 ноября 1937 г. Вопреки предписаниям собственного МИДа, не дожидаясь каких-либо объяснений от Гитлера, британский гость сам назвал территориальные вопросы (Австрия, Судеты и Данциг), которые Англия готова «урегулировать» мирными средствами. На Гитлера эта встреча произвела сильное впечатление, тем более что Галифакс похвалил его за борьбу с большевизмом. Через три месяца лорд возглавил внешнеполитическое ведомство Британии, а через четыре месяца Гитлер начал реализовывать свою программу завоеваний. Получив текст уже после войны, Сталин внимательно, с карандашом в руках, его изучил. По подчеркнутым местам можно заметить, что генсек находил подтверждение своему недоверию по отношению к британской политике.

«Мюнхен» и политика «коллективной безопасности»

Советской стороне было непонятно, где проходят границы уступчивости западных держав. Пробным камнем стал Судетский кризис. С Францией, а через некоторое время с Чехословакией Советский Союз заключил в мае 1935 г. практически одинаковые договоры о взаимопомощи. Единственная разница в договоре с Чехословакией заключалась в том, что обязательства взаимной помощи между СССР и Чехословакией вступали в силу лишь после того, как

⁷⁴ Ср., например, реакцию на антикоминтерновский пакт, особенно на вступление в него Италии. См.: Там же. Введение М. М. Наринского. С. 302–303.

⁷⁵ См.: Jill, E. *The British Government and the Spanish Civil War, 1936–1939*. London, 1979; Little, D. *Red Scare, 1936: Anti-Bolshevism and the Origins of British Non-intervention in the Spanish Civil War*. *Journal of Contemporary History*, 1988, № 23. P. 291–311.

⁷⁶ Документ № 109 в настоящем издании.

⁷⁷ Документы и материалы Второй мировой войны. М., 1948. Т. 1 Ноябрь 1937–1938 гг. С. 9–48; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. М., 1981. Т. 1. С. 35–46.

Франция окажет военную помощь подвергшейся нападению стороне. Эта оговорка была внесена в договор по желанию Чехословакии из недоверия к Советскому Союзу. Пражское руководство хотело оградить себя как от обязанности нежелательной помощи, так и от возможной непрошеной помощи со стороны Советского Союза⁷⁸. Этим соображениям предстояло сыграть важнейшую роль в разразившемся спустя три года кризисе, хотя сама оговорка в новых обстоятельствах выглядела так, будто ее добивалась советская сторона⁷⁹. Было также ясно, что Бенеш не хочет подчиняться требованию Германии уступить ей целиком Судетскую область и что Советский Союз обеспокоен возможной экспансией Германии в восточном направлении. Однако требования немцев встретили понимание, особенно у британского руководства. Вопрос состоял в том, в какой степени западные державы в рамках «политики умиротворения» («Appeasement») пойдут навстречу требованиям Германии, и в какой степени Чехословакия будет готова с этим согласиться⁸⁰.

Из Москвы пражское руководство постоянно получало заверения в поддержке. Британская «политика умиротворения», одержавшая верх 29 сентября 1938 г. в Мюнхене, не дала осуществиться договору о взаимопомощи: ни Чехословакия, ни Советский Союз не были допущены к обсуждению решений. Несомненно, в Англии и Франции недооценивали опасность, исходящую от Гитлера. Также ясно, что с британской стороны существовали почти непреодолимые, а с французской и чешской значительные идеологические барьеры против объединения с Советским Союзом⁸¹. Антисоветским предубеждениям придавало силу и то обстоятельство, что на волне внутренних репрессий СССР не воспринимался как серьезная военная сила, хотя, подчас, этим успокоительным аргументом объясняли прозаическое нежелание иметь дело с «Советами»⁸². Нам не дано узнать, вмешался ли бы Советский Союз и как именно, если бы Франция выполнила свои обязательства по взаимопомощи или если бы Лига Наций приняла соответствующие санкции. На запрос из Праги 19 сентября 1938 г. советское руководство ответило положительно, но в предусмотренных рамках: было обещано выполнить договор при условии вмешательства Франции и поддержке в Лиге Наций, если Чехословакия обратится к ней в соответствии со статьями 16 и 17⁸³. Проверить эти обещания на деле не пришлось. Бенеш 30 сентября в 17.00 срочно

⁷⁸ Подробнее см.: Pfaff, I. Die Sowjetunion und die Verteidigung der Tschechoslowakei 1934–1938. Versuch der Revision einer Legende. Köln, 1996. S. 57–85.

⁷⁹ Поэтому Пфафф в заключение говорит о ней как об «инспирированной» Советским Союзом: Pfaff. Verteidigung. S. 475–476.

⁸⁰ См. также: W. Mommsen/L. Kettenacker (Eds.). The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement. London, 1983.

⁸¹ Подробнее об этом см.: Niedhart, G. Der Bündniswert der Sowjetunion im Urteil Großbritanniens 1936–1939. Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1971. № 2. S. 55–67; Jacobsen. Primat der Sicherheit. S. 255; Haslam. Struggle. P. 169; Bartel, H. Frankreich und die Sowjetunion 1938–1940. Stuttgart, 1986. S. 210; Kraus, M. The Diplomacy of Edward Beneš: Munich and Its Aftermath. In: M. Latynski (Ed.). Reappraising the Munich Pact. Continental Perspectives. Washington, DC, 1992. P. 61–78; Hochmann, J. The Soviet Union and the Failure of Collective Security, 1934–1938. Ithaca and London, 1984.

⁸² Некоторые историки достаточно убедительно показывают, что этот аргумент не играл особой роли в политике Лондона. Правительство Чемберлена, одержимое антисоветскими предрассудками, в принципе не желало какого-либо конструктивного диалога с СССР. При этом «вклад» Чемберлена рассматривается как решающий. См.: Shaw, L. G. The British Political Elite and the Soviet Union, 1937–1939. London, 2003; Карлей М. Дж. Только СССР имеет... чистые руки. Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии // Новая и новейшая история. 2012. № 1.

⁸³ Об этом см. также: Потемкин — Александровскому, 20.9.1938 г. // ДВП. Т. XXI. № 356. С. 500; соответствующее решение Политбюро от того же числа: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Док. № 271. С. 363. См. документ № 123 в настоящем издании.

запросил Москву: как относится СССР к альтернативе — война или капитуляция, перед которой поставлена Чехословакия, поскольку великие державы принесли ее в жертву Гитлеру? Советскому правительству давалось 1–2 часа на ответ⁸⁴. Однако этот ответ так и не поступил — и не должен был поступить, поскольку Бенеш уже через 45 минут, т.е. до истечения назначенного им самим срока, отозвал запрос: пражское правительство уже приняло мюнхенский ультиматум⁸⁵. В тот же день, 30 сентября, в 21.30 советский посол докладывал о причинах, по которым пражское руководство решило принять условия Мюнхена, а не просить советской помощи: у Чехословакии не хватает аэропортов для достаточной поддержки со стороны советской авиации, а помощь Красной армии возможна лишь через несколько дней, когда чешские войска уже могут быть разбиты⁸⁶. Это, разумеется, второстепенные соображения, а основанием для решения был страх перед последствиями односторонней помощи со стороны Советского Союза, что и подтвердил позднее посол Александровский.

Некоторые историки, не будучи знакомы с оригиналами, называют опубликованные документы фальшивкой, изобретенной для спасения чести Советского Союза⁸⁷. Это, конечно, перебор. Однако, если отрешиться от полемического запала, можно отметить, что источники рисуют довольно противоречивую картину. С одной стороны, многие современники высказывали противоположные мнения и очень недоверчиво относились к целям и возможностям Советского Союза. С другой стороны, из этих же документов явствует, что Москва имела все основания не доверять западным державам и Праге. Это не доказывает со всей определенностью, что Советский Союз не хотел вмешиваться в военный конфликт вокруг Чехословакии, но делает такое нежелание вполне вероятным. Открытым остается вопрос о том, что бы делал Советский Союз при наступлении обстоятельств, предусмотренных договором, т.е. в случае вмешательства Франции. Известные подготовительные мероприятия Советского Союза не могут служить доказательством намерения вступить именно за Чехословакию, а скорее должны быть поняты как общие меры предосторожности, в первую очередь против Польши, и не только из-за ее претензий на чешскую территорию⁸⁸. Польша с советской точки зрения еще воспринималась как потенциальный союзник Третьего рейха. Для конкретного военного вмешательства СССР Чехословакии необходимо было получить право прохода войск через Польшу и Румынию. С Румынией велись по этому поводу переговоры, но их результаты не отвечали

⁸⁴ Александровский — в НКИД, 30.9.1938 г. // ДВП. Т. XXI. Док. № 393. С. 548–549.

⁸⁵ Александровский — в НКИД, 30.9.1938 г. // ДВП. Т. XXI. Док. № 394. С. 549.

⁸⁶ Эта телеграмма упоминается, но не цитируется. См.: Александровский — НКИДу, 30.9.1938 г. // ДВП. Т. XXI. Док. № 399. С. 552. Ср. также: Haslam. *Struggle*. P. 193.

⁸⁷ Pfaff, I. *Die Sowjetunion und die Verteidigung der Tschechoslowakei 1934–1938. Versuch der Revision einer Legende*. Köln, 1996. S. 443–446. Темпераментная аргументация Пфаффа обращена прежде всего против старого тезиса коммунистического происхождения, будто «Советский Союз в 1938 г. был единственной страной, готовой оказать военную помощь Чехословакии против гитлеровской агрессии, причем, несмотря на неокказание помощи Францией». Но при этом Пфафф осуждает и западную историческую литературу, например Ханса-Адольфа Якобсена, который будто бы некритически заимствовал «все, что говорится в советской и коммунистической литературе». В советских публикациях Пфафф усматривает не только искажающую избирательность, но и настоящую подделку. См.: Pfaff. *Verteidigung*. S. 5, 10–13. Мы не можем здесь разбирать отдельные утверждения Пфаффа. Сошлемся лишь на то, что Якобсен (Jacobsen. *Primat*. S. 254) весьма критически относится к утверждению о намерении Советского Союза оказать реальную помощь. Критику Пфаффа и анализ современных дискуссий см. в: Филитов А. М. Мюнхенская конференция, 1938 год: эволюция исторических оценок // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 1 (15). С. 126–144.

⁸⁸ Pfaff. *Verteidigung*. S. 419–424; Haslam. *Struggle for Collective Security*. P. 189, 192–194; Jacobsen. *Primat*. S. 254.

реальным потребностям Красной армии⁸⁹. Скорой и эффективной помощи Советский Союз оказать не мог, даже если бы и хотел. Правда, Хрущев рассказывает в своих воспоминаниях, что войска Киевского особого военного округа (КОВО) готовы были силой прорываться через территорию Польши, но это не доказывает, что Сталин действительно отдал бы соответствующий приказ⁹⁰.

Совершенно невозможно себе представить, чтобы Советский Союз в одностороннем порядке выступил против Германии. Это противоречило бы общей осторожной линии поведения СССР в 1930-е годы. В литературе встречается утверждение, будто заместитель наркома иностранных дел Потемкин намекнул на возможность или даже прямо обещал советскую военную помощь и без вмешательства Франции и постановления Лиги Наций⁹¹. Однако это не соответствует фактам, зафиксированным в советских документах. Тезис о готовности Советского Союза к односторонней военной помощи — если речь не идет о малоубедительной пропаганде руководства КПЧ — восходит к рассказам Бенеша и посла Чехословакии в Москве Фирлингера⁹². Последний весьма широко истолковал слова Потемкина 20 сентября 1938 г. о позиции советского руководства в отношении Праги, услышав в них то, что хотел услышать, — и, видимо, в таком духе передал их французскому послу Кулондру⁹³. Этим Фирлингер вызвал чрезвычайное недовольство в Кремле. Поэтому Потемкин 23 сентября говорил с ним в достаточно нелицеприятном тоне. Фирлингер извинился и заверил, что его толкование «объясняется самыми лучшими намерениями».

Резкая реакция советской стороны объясняется опасением быть втянутой в войну против Германии без союзников, что подтверждают и документы из Архива Президента. Литвинов решительнее всех выступал за твердую позицию Советского Союза и за солидарность с Англией и Францией. Но когда он в телеграмме Сталину 23 сентября предложил объявить частичную мобилизацию советских вооруженных сил и развязать такую кампанию в прессе, чтобы Гитлер и Бек всерьез поверили в угрозу войны, Сталин пометил на полях телеграммы коротко и ясно: «Нет!»⁹⁴ И это соответствует линии, выдерживавшейся на протяжении всего кризиса: не допускать ни малейших сомнений в своей готовности выполнить обязательства по советско-чехословацкому договору о взаимопомощи или решения Лиги Наций, и в то же время избегать любых односторонних выступлений⁹⁵. Поэтому Литвинов в тот же день разъяснил в Женеве своим британским собеседникам де ла Варру и Батлеру, что Советский Союз ни в коем случае не станет действовать раньше Франции⁹⁶.

⁸⁹ Pfaff. *Verteidigung*. S. 387–405. См. также: Besymenski. *Stalin und Hitler*. S. 116–118.

⁹⁰ Хрущев Н. С. *Время. Люди. Власть. Воспоминания*: В 4-х т. М., 1999. Т. 1. С. 224–225.

⁹¹ Pietrow. *Stalinismus*. S. 59; Jacobsen. *Primat*. S. 254. Приведенные Якобсеном документы подтверждают лишь постановление Политбюро от 20 сентября. Более осторожная оценка дана в: Haslam. *Struggle*. P. 189.

⁹² Pfaff. *Verteidigung*. S. 371–374; Besymenski. *Stalin und Hitler*. S. 116.

⁹³ Кулондр — Бонне, 22.9.1938 г. *Documents diplomatiques français. 1932–1939. 2-e série*. Т. XI, № 292. P. 446–447.

⁹⁴ Без сталинской пометки на полях см.: Литвинов — Сталину, 23.9.1938 г. // *Документы внешней политики*. Т. XXI. Док. № 369. С. 520. См. документ № 126 в настоящем издании.

⁹⁵ См. решение Политбюро по этому вопросу. Документ № 123 в настоящем издании. Когда приободренный Бенеш стал уверять Москву, что теперь «ни малейших дальнейших уступок он не намерен делать ни при каких условиях и принимает на себя все последствия», Сталин написал красным карандашом на полях: «Посмотрим». См. документ № 125 в настоящем издании.

⁹⁶ Литвинов — НКВДу, 23.9.1938 г. // ДВП. Т. XXI. № 370. С. 520–522; Haslam. *Struggle*. P. 188.

Ввиду того, что Англия и Франция всем своим поведением во время кризиса показывали, что не принимают Советский Союз как равноправного партнера, Москва все меньше и меньше была готова на совместные действия с западными державами, резонно опасаясь, что ее подставят и Советский Союз окажется в результате один против Германии. Когда Литвинов 23 сентября 1938 г. доложил из Женевы о соответствующей беседе с представителями Британии и попросил указаний на случай, если для обсуждения чехословацкого вопроса будет созвана конференция трех государств — Англии, Франции и Советского Союза, которую он изначально и предложил, из Москвы сначала ответили, что, поскольку Англия и Франция до сих пор игнорировали СССР, маловероятно, что они пригласят его на общую конференцию⁹⁷. Потемкин 25 сентября по согласованию со Сталиным составил проект ответа, предполагавшего советское участие при двух условиях: 1. Советский Союз должен принимать участие во всех подобных конференциях; 2. Англия и Франция не будут вести сепаратные переговоры по этому вопросу ни с Германией, ни с Чехословакией. Проект телеграммы был передан Сталину, членам Политбюро и Литвинову, но, судя по всему, она так и не была отослана. Британская политика выбрала другой вариант — попытку «сдерживания» Гитлера путем переговоров с ним без участия Советского Союза. Лондон отклонил проект конференции с участием СССР, ссылаясь, в том числе, и на ожидаемое неприятие этого участия Гитлером⁹⁸.

Судетский кризис предвосхитил многое, что повторилось в 1939 г., но уже в условиях прямых переговоров между Великобританией, Францией и Советским Союзом. Опыт Мюнхена сыграл роковую роль. Ведь Сталин и советское руководство в целом теперь с еще большим недоверием относились к Франции и прежде всего к Англии, окончательно убедившись, что антикоммунизм и неприятие Советского Союза в них сильнее, чем страх перед экспансионизмом Гитлера. Александровский, советский посол в Праге, подтвердил это в телеграмме Сталину от 1 октября 1938 г. Он подробно пересказал мотивы, побудившие чешское правительство подчиниться диктату Мюнхена: «Гитлеру удалось убедить Чемберлена и Даладье, что в данной ситуации большую опасность для мира в Европе представляет не он, а СССР, который объективно является большевистским форпостом и может сыграть роковую роль поджигателя новой войны». Это убеждение «явилось не формальным, но фактическим основанием для создания блока четырех против СССР. Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого начнется война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой. Возможно, что СССР и победит, но Чехословакия так или иначе будет сметена и будет вычеркнута с карты Европы. Эти утверждения сыграли большую роль в деле принятия правительством прямого решения»⁹⁹. Аналогичные соображения лежат в основе анализа событий, который Александровский отослал в Москву несколькими днями позже. Здесь он еще раз подчеркнул, что Бенеш после 27 сентября действительно готов был втянуть Советский Союз в европейский конфликт и в то же время опасался социальной революции в своей стране в случае активного сопротивления Гитлеру.

Попытки Советского Союза найти общий язык с Францией и Англией, чтобы сдержать экспансионизм национал-социалистической Германии, потерпели крах. Это нашло подтверждение в резком, но вполне объяснимом заявлении ТАСС от 2 октября, а затем от 4 октября¹⁰⁰.

⁹⁷ Haslam. *Struggle*. P. 188.

⁹⁸ Pfaff. *Verteidigung*. S. 416, 436–440.

⁹⁹ Александровский — в НКВД, 1. 10. 1938 г. // Год кризиса... Т. I. С. 35. Там же — архивные ссылки, которых не хватало Пфаффу. Ср. также: Pfaff. *Verteidigung*. S. 447.

¹⁰⁰ Оба заявления были санкционированы Сталиным. Документы № 136–137 в настоящем издании.

Советский полпред в Лондоне Майский получил из Москвы сердитый выговор за свое некритическое, по мнению Сталина, отношение к «сотрудничеству» Англии и Франции с Советским Союзом¹⁰¹. Майский пытался оправдаться, а затем, в первых числах октября, запросил инструкций, как ему реагировать на вопросы об отношении Советского Союза к договору о взаимопомощи с Францией и к гарантии новых границ с Чехословакией. Литвинов ответил после обсуждения вопроса со Сталиным: «Полпред не обязан отвечать всем обращающимся к нему об основах политики своего правительства. Рекомендуем отделяться общими замечаниями, что советское правительство изучает новую обстановку, созданную событиями последнего времени»¹⁰².

Более холодный ответ трудно себе представить. Обстановка, «созданная событиями последнего времени», выглядела с точки зрения Москвы следующим образом: Англия и Франция явно не имели серьезного намерения в союзе с СССР остановить агрессивную немецкую поступь на восток, а антикоммунизм был общим идеологическим фундаментом западных держав и Третьего рейха. Тем самым политика «коллективной безопасности», с точки зрения Советского Союза, полностью провалилась. Великобритания, очевидно, считала компромисс с Германией гораздо более перспективным подходом, чем сдерживание германского агрессора путем подчинения его действующим международным нормам и договорам при участии Кремля. СССР был явно изолирован и не принимался в расчет на международной арене, в чем в определенной мере сыграла свою роль и советская внешняя политика, постоянно колебавшаяся между риторикой мировой революции и традиционным дипломатическим поведением.

Советско-германское сближение 1939 года

Крушение политики «коллективной безопасности» обострило положение СССР на международной арене. На это Сталин и другие ораторы в дни празднования годовщины революции в ноябре 1938 г. и на XVIII съезде КПСС в марте 1939 г. откликнулись заявлениями о «второй империалистической войне», уже начатой «государствами-агрессорами», в то время как неагрессивные государства не оказали серьезного сопротивления¹⁰³. Никто в Москве не мог быть уверен, что «неагрессивные государства» не будут продолжать политику «умиротворения» по отношению к «агрессорам» — Германии, Италии и Японии — вопреки интересам Советского Союза. Реакция западных держав на оккупацию Германией «остальной Чехии» 15 марта 1939 г. не обещала ничего хорошего. После Мюнхена Советскому Союзу не оставалось ничего другого, как искать новые пути и возможности воздействовать на европейскую политику — посредством либо реального сотрудничества с Германией, либо убедительной угрозы такого сотрудничества. Ведь политика «коллективной безопасности» потерпела крах еще и потому, что Великобритания и Франция были слишком убеждены в непреодолимости противоречий между Советским Союзом и Третьим рейхом¹⁰⁴.

¹⁰¹ Заявление ТАСС и Потемкин — Майскому, 3.10.1938 г. // Год кризиса... Т. 1. № 12, 15. С. 41, 44. См. также: ДВП. Т. XXI. С. 560. См. Документ № 134 в настоящем издании.

¹⁰² Документы № 140–141 в настоящем издании.

¹⁰³ Jacobsen. Primat. S. 256–269; Hillgruber, A. Der Zweite Weltkrieg, 1939–1945. In: D. Geyer (Hg.). Sowjetunion. Außenpolitik 1955–1955. Köln, 1972, S. 271; Fleischhauer. Pakt. S. 73.

¹⁰⁴ Haslam. Struggle. P. 230; Shaw. The British Political Elite. P. 51–96; Карлей М. Дж. 1939. Альянс, который не состоялся. М., 2005. С. 270–274.

С весны 1939 г. началось прощупывание обеих возможностей, тем более что Берлин стал недвусмысленно намекать на «изменение» отношений. Англия и Франция, которым Советский Союз предложил 17 апреля переговоры по поводу пакта о взаимопомощи, вели себя нерешительно, придерживались выжидательной тактики и всем своим поведением во время переговоров весной и летом 1939 г. показывали, что рассматривают совещания с Москвой скорее как способ нажима на Германию, чем как шаги к заключению договора с Советским Союзом. Германия должна была стать сговорчивее и осознать, что у нее нет надежного тыла. Для этого не требовалось формального договора с Советским Союзом. За всем этим стояло — как и в случае Мюнхена — опасение, что союз с Советами откроет путь в Европу социальной революции. Поэтому аргументы, которыми оперировала Москва в политических и военных переговорах, не были надуманными¹⁰⁵.

У Советского Союза были все основания не доверять Англии и Франции и настаивать на реальных гарантиях военного вмешательства в случае военного конфликта с Германией. Мюнхен, оккупация Чехословакии 15 марта 1939 г., недель позже ультиматум Литве с требованием вернуть Мемельскую область и ввод в Мемель немецких войск, территориальные претензии Германии к Польше — все это свидетельствовало, с одной стороны, о неукротимом экспансионизме Гитлера, с другой — о нерешительности и объективной неспособности Англии и Франции к действию. Никто не давал гарантий, что в случае экспансии Гитлера в восточном направлении западные державы пожелают и смогут действовать более энергично.

Не желая заключать какое-либо обязывающее соглашение, а тем более союз, британцы вместе с тем собирались удерживать Советский Союз в своей орбите. Однако шаги, принятые Лондоном, скорее отторгали, чем привлекали Кремль. К примеру, лорд Галифакс пытался убедить «русских» взять на себя односторонние гарантии, т.е. СССР, как и французы с англичанами, должен был заявить, что в случае войны он поддержит Польшу, Румынию или прибалтийские страны. «Ну, допустим, – рассуждали в Москве, – мы придем на помощь. А где гарантии, что вы тоже откликнетесь? Вдруг что-то пойдет не так, и вы передумаете». В ответ на такие вопросы Галифакс улыбался и говорил: «Ну что вы! Мы, конечно, вам поможем. Британия не бросит Россию на произвол судьбы». Англичане считали приемлемым вариантом поддержание «благожелательного советского нейтралитета», когда СССР не ведет боевых действий на чужих территориях, а снабжает их оружием и сырьем. Подобные словословия Кремль совсем не воодушевляли. В зашифрованных телеграммах, в отчетах послах и в различных записках Сталин подчеркивает или добавляет одно слово: «болтовня». Литвинов чуть более дипломатично заявил французскому и британскому послам, что советское правительство уже достаточно накормило разговорами, обещаниями и поводило за нос. Майский довел эту мысль до Галифакса еще проще: «Советское правительство верит делам, а не словам»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Niedhart. Großbritannien und die Sowjetunion. S. 390–443. Нидхарт считает, что в неудаче переговоров виноват в большей степени Советский Союз, в то время как Хаслам (Haslam. *Struggle*. P. 195–229) склонен приписывать вину англичанам. Резко критическую позицию по отношению к Великобритании и Франции занимает Карлей. Подробнее см.: Watt, D. C. *How War Came. The Immediate Origins of the Second World War 1938–1939*. London, 1989; Карлей М. Дж., 1939. См. также: Haslam, J. *Soviet-German relations and the origins of the Second World War: The Jury is Still Out*. *Journal of Modern History*, 1997, № 69. P. 785–797.

¹⁰⁶ Карлей М. 1939. С. 161, 167–169; Майский И. М. *Дневник дипломата*. Лондон, 1934–1943: В 2-х кн. М., 2006. Кн. 1. С. 372–373 и др.

Для обсуждения вопросов внешней политики в Москве 21 апреля созвали специальное совещание¹⁰⁷. Оно состоялось в кабинете Сталина в Кремле и велось без протокола. Его участники — члены Политбюро Ворошилов, Молотов, Микоян и Каганович, нарком иностранных дел Литвинов, его заместитель Потемкин, вызванные из Лондона и Берлина полпреды Майский и Мерекалов, а также советник полпредства в Париже Крапивенцев. Ряд исследователей, ссылаясь на неопубликованные тетради Мерекалова, придают этому совещанию принципиальное значение, полагая, что именно тогда было принято решение о переориентации внешнеполитического курса на Германию и о снятии Литвинова с поста наркома. Однако эта версия вызывает сомнения. Мерекалов будто бы прозорливо ответил на вопрос Сталина о будущей политике Гитлера, заявив, что тот сначала оккупирует Польшу, потом разобьет Францию, а затем нападет на СССР. Скорее всего, такие «предсказания» были записаны послом уже после того, как эти события состоялись. Мерекалов, к примеру, не помнил, что в совещании участвовал Литвинов («его не приглашали»), хотя он вышел из кабинета Сталина в сопровождении наркома. Примечательно, что после 21 апреля Мерекалов к переговорам с высшими немецкими чиновниками не привлекался. Их вел до заключения пакта о ненападении временный поверенный А. Г. Астахов. В дневниках Майского сохранилась краткая запись обсуждения внешнеполитических вопросов, по всей видимости, именно 21 апреля. Там речь идет исключительно о переговорах с западными союзниками, Германия даже не упоминается. Крайне сомнительно, чтобы Сталин обсуждал отставку Литвинова в присутствии его подчиненных¹⁰⁸.

Литвинова сняли 3 мая 1939 года. Сталин сам объяснил причину в телеграмме ведущим сотрудникам НКВД: «Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшим на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей Наркоминдела. ЦК ВКП (б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов». Молотов в своих телеграммах упоминал также и о «возрасте» предшественника. К этому необходимо добавить, что Литвинов ранее уже просился в отставку по личным основаниям, но Сталин ее не принял¹⁰⁹. Сторонние наблюдатели связывали смещение Литвинова с отходом советского руководства от политики коллективной безопасности. Большинство германских газет расценивало отставку «как конец политики союзов с западными капиталистическими державами»¹¹⁰. Однако в распоряжении историков до сих пор нет никаких убедительных свидетельств, подтверждающих, что уже в то время у Кремля имелся конкретный план действий, что там точно

¹⁰⁷ Это было именно совещание, а не заседание Политбюро, как преподносится в некоторых работах. См.: Дембски С. Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939–1941 гг. М., 2017. С. 89–90. Из-за отсутствия материалов польский историк считает себя вправе додумать происшедшее на совещании.

¹⁰⁸ Besymenski. Stalin und Hitler. S. 152–154. О присутствовавших см.: На приеме у Сталина. М., 2008. С. 257. См. также: Наринский М. М. Происхождение второй мировой войны // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М., 2010. С. 147; Майский И. М. Дневник... Кн. 1. С. 382.

¹⁰⁹ Это было связано с финансовыми махинациями сбежавшего за границу брата Литвинова — Савелия, которые привели к многочисленным искам и многолетним судебным разбирательствам против СССР. См. также: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917–2002 гг. М., 2002. С. 236–237.

¹¹⁰ Подобные сообщения поступали в Москву от всех послов. См., например: Астахов — Молотову, 6.5.1939 г. // ДВП. Т. XXII. С. 339–341. См. также: Roberts, G. The Fall of Litvinov: A revisionist view. Journal of Contemporary History, 1992, № 27. P. 639–657.

знали с кем и какие союзы будут заключать. Материалы Политбюро не дают оснований утверждать о наличии «вспыхнувшего в Кремле конфликта вокруг стратегии и тактики советской внешней политики»¹¹¹.

К сожалению, часть документов высших институтов власти Третьего рейха сгорели в годы войны. Историкам буквально по крупицам приходится реконструировать события. Вполне возможно, что письменных свидетельств вообще не существовало, поскольку многие решения принимались устно. Есть веские основания утверждать, что в конце апреля и в начале мая 1939 г. высшее германское руководство с санкции фюрера начало предпринимать скоординированные действия по улучшению германо-советских отношений. И это были не робкие сигналы, а реальные каналы информации (от разведки и дипломатии до бизнесменов и журналистов).

Многие исследователи называют отправной точкой встречу посла Мерекалова и госсекретаря германского министерства иностранных дел Эрнста Вайцеккера, которая состоялась 17 апреля в Берлине. Согласно немецкой записи, советский посол недвусмысленно заявил о желании улучшить политические отношения между странами. Однако текст в архиве российского МИДа не содержит таких фраз. Каких-либо инструкций обсуждать политические вопросы Мерекалов не получал¹¹². Куда важнее череда последующих событий. Так, сразу после речи фюрера в Рейхстаге 28 апреля 1939 г. полностью сворачивается антисоветская пропаганда в Германии. Затем, как это часто бывало у фюрера, бывший вице-канцлер фон Папен выполнил деликатное поручение. В конце апреля 1938 г. Папена отправили послом в Турцию. Там 8 мая он под благоприятным предлогом встретился с советским посланником Терентьевым и, отбросив дипломатические формальности, заявил ему, что «между нашими странами нет принципиальных расхождений», «различие идеологий не должно служить препятствием к сближению», «идеологии надо оставить в стороне и вернуться к Бисмарковским временам дружбы». Папен выразил сожаление в связи с «отсутствием сердечности» в советско-германских отношениях и подчеркнул, что «нет никаких вопросов, которые разделяли бы обе страны и создавали бы между ними противоречия». Показательно, что Терентьев в своем первом отчете в Москву не придал этому значения, за что сразу получил выговор от нового наркома¹¹³. Отчет «показывает, что в отношении него Вы взяли неправильный тон. Вам надо было быть с ним таким же вежливым, как с французом или другим послом, не отворачиваться от него, выслушивать его заявления, если он их захочет сделать. Тогда Вы правильно выполните обязанности советского полпреда»¹¹⁴. Сильно перепугавшись, посол Терентьев на следующий день отправился к Папену с ответным визитом. В подробной телеграмме в Москву он представил поведение германского посланника уже в более положительных тонах. Принципиально важно, что потом, на протяжении почти трех месяцев все высшие немецкие чиновники будут повторять высказывания Папена слово в слово¹¹⁵.

¹¹¹ Дембски С. Указ. соч. С. 91.

¹¹² Записи разговора Мерекалова с Вайцеккером от 17.4.1939 г. расходятся. Сравните советскую запись (ДВП. Т. XXII. С. 291–293) и немецкую запись (ADAP, Bd. VI. S. 291–292). См. также: Fleischhauer. Pakt. S. 140–153; Карлей. 1939. С. 186.

¹¹³ Телеграмма Терентьева от 8 мая 1939 г. См. документ № 160 в настоящем издании. Примечательно, что архивное дело с документами по договору о ненападении от 23 августа 1939 г. в АП РФ начинается именно с телеграммы Терентьева.

¹¹⁴ Молотов — Терентьеву, 9.5.1939 г. См. документ № 161 в настоящем издании.

¹¹⁵ Терентьев — Молотову, 10.5.1939 г. См. документ № 162 в настоящем издании. См. также более подробную запись второго разговора с фон Папеном (без указаний на возможное объяснение поведения Папена намерениями Берлина) от 9.5.1939 г. // ДВП. Т. XXII. С. 350–352.

В то же самое время Гитлер вызвал из Москвы советника посольства Густава Хильгера и принял его у себя в баварской резиденции 10 мая. В присутствии фельдмаршала Кейтеля, Риббентропа и экономического советника Шнурре Хильгер осветил положение в Москве и обосновал необходимость сотрудничества с СССР. На следующий день в Берлин прилетел посол Шуленбург. В течение недели, пока он находился в столице, Риббентроп вместе со своими сотрудниками сочинил основные тезисы, с помощью которых впоследствии нацистская пропаганда будет оправдывать сближение с заклятым политическим врагом. Их суть сводилась к тому, что Советский Союз – это уже другая страна. Сталин «строит национальное государство», где коммунизм не играет существенной роли. Новый советский патриотизм опирается на традиционные ценности с многочисленными заимствованиями из царского прошлого. Коммунистический интернационал «больше не является важным фактором». Соответственно, исчезают все идеологические препятствия на пути к добрососедским отношениям. Шуленбург получил инструкции «очень-очень осторожно» сообщить Молотову о возобновлении торговых переговоров и посмотреть на реакцию¹¹⁶.

Апрельско-майские сигналы из Германии заинтересовали Кремль, но не привели к существенным изменениям. Когда воодушевленный Шуленбург пришел 20 мая на аудиенцию к наркому, тот был не очень дружелюбен. Молотов заявил, что у него складывается впечатление, будто Германия, вместо ведения серьезных экономических переговоров, предпочитает «играть» с Советским Союзом в какие-то игры. В таких играх Советский Союз не заинтересован. Если же Германия хочет успеха в экономических переговорах, то для этого должны быть «соответствующие политические основания». Иными словами для успешных экономических отношений должна быть создана соответствующая политическая база. Над этой «базой» и должно думать германское правительство¹¹⁷. В этих высказываниях Молотова отдельные авторы видят намек на идеологические сдвиги или даже на будущий пакт¹¹⁸. В действительности, это была старая идея. Дело в том, что еще в начале и середине 1930-х годов многие инициативы по торговым, экономическим и финансовым вопросам заканчивались ни чем. В итоге советские дипломаты пришли к выводу, что для успеха любых экономических сделок необходимо иметь какое-то базовое политическое соглашение. Поскольку Молотов получал все шифровки и был хорошо знаком с такими предложениями, он и озадачил ими Шуленбурга.

Для немецкой стороны такой поворот в рамках переговоров о торговле и кредитах стал полной неожиданностью. Несколько дней они находились в полном замешательстве. Риббентропу казалось, что Советский Союз может вообще отказаться от каких-либо переговоров. Он попросил итальянцев «надавить» на японцев, чтобы те гарантировали безопасность советских интересов на Дальнем Востоке. Однако из Токио пришел быстрый отказ. Два дня высшие германские чиновники гадали — Молотов «душит» контакты или он «за»? Решили действовать через госсекретаря Вайцзеккера. Фюрер одобрил, и 30 мая в хорошо спланированной встрече с советским поверенным в делах госсекретарь театрально отложил в сторону карандаш и блокнот и предложил поговорить «неофициально». Далее последовали «сугубо личные» сентенции о нормализации отношений, уже доведенные до Москвы по другим каналам. С одним исключением — Вайцзеккер использовал любимое изречение Гитлера: «В нашей лавке много товаров. Бери-

¹¹⁶ Watt, D. Op. cit. P. 272–273.

¹¹⁷ Шуленбург — Вайцзеккеру, 22.5.1939 г. ADAP, Bd. VI. S. 463–466; запись Молотова от 20.5.1939 г. // ДВП. Т. XX. С. 386–387. Запись Потемкина от 20.5.1939 г. см. в документе № 163 в настоящем издании.

¹¹⁸ М. М. Наринский видит в этом заявлении Молотова «решающий шаг» в улучшении отношений, но это не подтверждается дальнейшей дипломатической перепиской. См.: Наринский М. М. Указ. соч. С. 152.

те то, что хотите». Через считанные часы отчет Астахова лежал на столе у Сталина, но быстрой реакции из Москвы опять не последовало¹¹⁹. Немцы восприняли как своеобразный ответ речь Молотова от 31 мая на сессии Верховного Совета СССР, так как в ней не было резкой критики Германии. Однако этого, по их мнению, было недостаточно. Шуленбург 17 июня, находясь в командировке в Берлине, настоял на встрече с Астаховым. Сначала он высказал пожелание о большей уступчивости с советской стороны по поводу поставок сырья. Затем просил ответа по прояснению «политической базы», а потом прямо заявил, что пришло время для кардинального улучшения отношений, далее повторив фразу о «лавке, в которой много товаров». Шуленбург сделал важное уточнение — «под товарами подразумевались и политические выгоды»¹²⁰. Тем не менее советское руководство по-прежнему проявляло сдержанность, не желая обсуждать примитивную сделку в духе «сырье за политические уступки». Не случайно, в частности, Микоян сказал Густаву Хильгеру, передавшему 17 июня 1939 г. официальное немецкое предложение по экономическим договоренностям, что переговоры производят на него «неблагоприятное впечатление», поскольку немецкая сторона не основывается на советских предложениях от 26 февраля 1939 г. У него складывается впечатление, что немцы используют переговоры для «политической игры»¹²¹.

Такая медлительность и настороженность Москвы сильно раздражали Гитлера, и он 29 июня решился на демарш, временно приостановив все переговоры¹²². В литературе этот демарш часто преподносится как дипломатическая победа фюрера. Испугавшись разрыва, «русские» будто бы стали намного сговорчивее. На самом деле, как показывают документы Политбюро, именно немцы пошли на компромисс¹²³. Советская сторона настаивала на увеличении срока кредита (до 7 лет), уменьшении процента (до 4,5%) и полном одобрении списков заказываемых оборонных товаров. Поскольку Сталин согласился увеличить объемы советских поставок, Гитлер пошел навстречу почти по всем пунктам. Эта торговая сделка 14 июля была оформлена решением Политбюро, которое вождь лично отредактировал¹²⁴. ТАСС 22 июля сообщило о возобновлении переговоров. В тот же день Вайцеккер официально уполномочил Шуленбурга возобновить прерванные 29 июня переговоры, в том числе и по политическим вопросам¹²⁵. До конца июля 1939 г. Берлин и Москва еще ни о чем конкретном не договорились, хотя объективное положение, а также поведение Англии и Франции, несомненно, подталкивали Советский Союз к попыткам сближения с Германией. Можно понять, почему в Кремле не приняли слишком близко к сердцу судьбу Польши. Были свежи воспоминания о тяжелых поражениях в конце Гражданской войны, об утрате территорий, а также колоссальной контрибуции (в том числе золотом и бриллиантами), выплаченной Варшаве по итогам Рижского

¹¹⁹ Шифротелеграмма Астахова поступила в Кремль 30 мая, а подробный отчет Сталин получил только 10 июня. См. документы 167 и 168 в настоящем издании.

¹²⁰ См. документ № 171 в настоящем издании.

¹²¹ Типпельскирх — в Министерство иностранных дел, 18.6.1939 г. ADAP, Bd. VI. S. 622–624. Запись Е. Бабарина от 17.6.1939 г. см. в документе № 170 в настоящем издании.

¹²² Kershaw, I. Hitler 1936–1945: Nemesis. London, 2000. P. 196.

¹²³ Вайцеккер — посольству в Москве, 7.7.1939 г., и Шуленбург — Министерству иностранных дел, 10.7.1939 г. ADAP, Bd. VI. S. 729–730, 745.

¹²⁴ Решение Политбюро от 14.7.1939 г. см. в документе № 172 в настоящем издании.

¹²⁵ Шуленбург — Министерству иностранных дел, 22.7.1939 г. ADAP, Bd. VI. S. 802; Вайцеккер — Шуленбургу, 22.7.1939 г. ADAP, Bd. VI. S. 803.

мирного договора. Вплоть до Мюнхена Польша была, с советской точки зрения, скорее потенциальным союзником немецкой экспансии на восток, чем ее ближайшей жертвой. Позиция Польши начала меняться лишь в конце весны 1939 г. Во всяком случае поляки — по понятным, но совершенно не реалистическим соображениям — до последнего момента не хотели действенного союза с СССР, считая, что в этом нет необходимости¹²⁶.

Нельзя не признать очевидный факт, что в попытке хотя бы ценой договоренности с гитлеровской Германией избавить Советский Союз от участия в войне были свои резоны. Тем более сомнений не было в том, что война надвигается.

Потенциальные союзники, Англия и Франция, не могли в той ситуации ни предотвратить войну, ни оказать конкретную помощь в случае ее начала. Они не были способны даже гарантировать право прохода войск по территории их собственных союзников — Польши и Румынии. При этом судьба Советского Союза их мало интересовала.

Таковы были внешние предпосылки для заключения пакта о ненападении. Документы, собранные в секретариате Сталина, Политбюро и хранящиеся в архиве Президента Российской Федерации, не заставляют нас заново переписать историю. Однако они во многом дополняют опубликованные источники, включая и немецкие материалы. Сошлемся, к примеру, на запись разговора Вайцзеккера и Астахова от 2 июня 1939 г. (его немецкая версия не опубликована) или на очень важные записи Астахова о беседах с советником посольства Шнурре и министром иностранных дел Риббентропом в июле–августе 1939 г. Эти документы яснее, чем соответствующие немецкие, показывают, до какой степени Советский Союз был заинтересован в поставках немецких оборонных товаров и как настойчиво немецкое правительство с конца июля 1939 г. добивалось политических договоренностей, делая поразительно конкретные предложения. По немецким источникам это не прослеживается. Так, заявление Риббентропа послу Шуленбургу, что 2 августа 1939 г. он беседовал с Астаховым «в спокойном тоне», «не выказывая никакой спешки», совершенно не соответствует впечатлению, которое вынес из разговора сам Астахов, и тому, что ему прямым текстом сообщил Шнурре¹²⁷.

Различия между советскими и немецкими записями не только в том, что они иначе представляют одни и те же обстоятельства¹²⁸, сколько в том, что в них содержатся дополнительные факты и оценки. С новыми документами из АП РФ мы начинаем лучше понимать происходившее, причем, как это ни удивительно, не только с советской стороны. Нужно отметить, что за исключением кратких замечаний в воспоминаниях Хрущева, мы по-прежнему не имеем данных о каком-либо обсуждении вопроса советским руководством. Однако, помимо объективно вынужденного положения, сталинскую политику отличал и нескрываемый цинизм. Кремлевский вожь действовал абсолютно беззастенчиво: войну Гитлера с Польшей он принял как данность, из которой можно извлечь выгоду.

¹²⁶ О политике Польши см.: Cienciala, A. M. *Poland and the Western Powers, 1918–1939*. London, 1968; Prazmowska, A. J. *Britain, Poland and the Eastern Front, 1939*. Cambridge, 1987; Roberts, G. C. *From Détente to Partition: Soviet-Polish relations and the origins of the Nazi-Soviet pact, 1938–1939*. In: Ch. Koch (Hg.). *Gab es einen Stalin-Hitler-Pakt?* Frankfurt am Main, 2015. S. 89–106; Kornat, M. *Sommer 1939. Die Außenpolitik Polens: Motive, Interessen, Interpretationen*. In: *Op.cit.* S. 223–256; Белые пятна – черные пятна. Указ. соч. Главы 2–4.

¹²⁷ Риббентроп — Шуленбургу, 4.8.1939 г. ADAP, Bd. VI. S. 884; Запись Шнурре от 3.8.1939 г. Там же. S. 884–885. Запись Астахова от 3.8.1939 г. см. в документе № 180 в настоящем издании.

¹²⁸ Ср., например, запись беседы А. И. Микояна с Г. Хильгером 17.6.1939 г. в документе № 170 в настоящем издании и запись Хильгера (ADAP, Bd. VI. S. 623–624).

Договор о ненападении

По сравнению с немецкими, советские документы отчетливее показывают, что именно германская сторона лихорадочно спешила, в то время как Москва реагировала благосклонно и в то же время выжидательно, желая сначала получить полное представление о намерениях немцев. Сталин внимательно следил за всем происходящим. Все отчеты о разговорах в Москве и Берлине ложились к нему на стол.

Сейчас уже можно определенно утверждать, что, получив известия о предполагаемых штабных англо-франко-советских переговорах в Москве, немцы резко усилили давление. Оно и понятно – в случае успеха германские шансы на быстротечную и бескровную кампанию против Польши приближались бы к нулю. Сначала советник Шнурре сообщил Астахову 24 и 26 июля, что Германия весьма заинтересована в масштабном политическом соглашении с Советским Союзом, и со ссылкой на Риббентропа подтвердил, что речь идет о «прямых указаниях свыше». Он заявил также, сообщает Астахов, что немецкое руководство готово разговаривать и договариваться по всем интересующим вопросам, дав любые гарантии безопасности. Затем Шнурре обрисовал в целом, без подробностей, то, чему предстояло вскоре стать ядром советско-германского соглашения. Он указал, что по всей территории от Балтийского до Черного моря не существует неразрешимых проблем, подробно остановился на возражении Астахова относительно Прибалтики и Украины, а затем добавил, не дожидаясь вопроса: «Даже в отношении Прибалтики и Польши договориться было бы так же легко...»¹²⁹

Астахов, не имевший соответствующих указаний, «почувствовал, что беседа начинает заходить слишком далеко» и перевел разговор на другие темы. Но 2 августа 1939 г. уже Риббентроп, при как бы случайной встрече в министерстве иностранных дел, организованной Вайцеккером, предложил Астахову, по сути дела, образец будущего соглашения в дополнительном секретном протоколе. При этом Риббентроп подчеркнул (упоминание об этом отсутствует в его рассказе Шуленбургу), что вопрос о Данциге будет скоро решен. «Мы не относимся серьезно к военным силам Польши, — сказал министр. — ...Поляки сейчас кричат о походе на Берлин, о том, что Восточная Пруссия — польская земля. Но они знают, что это вздор. Для нас военная кампания против Польши дело недели — десяти дней. За этот срок мы сможем начисто выбрить Польшу. Но мы надеемся, что в этом не будет необходимости»¹³⁰. Затем Шнурре обратился к советскому руководству с просьбой сформулировать политические пожелания и первым подал идею «секретного протокола». В этом документе предполагалось выразить пожелание улучшения политических отношений между Россией и Германией. Речь шла при этом лишь о протоколе к планируемому торгово-кредитному соглашению. В качестве варианта Шнурре также предлагал включить декларацию о намерениях в преамбулу к документу. В одном из последующих разговоров Шнурре еще раз просил Астахова ответить на этот вопрос¹³¹.

¹²⁹ См. документ № 176 в настоящем издании. См. также менее подробную запись Шнурре, 27.7.1939 г. ADAP, Bd. VI. S. 846–849 и опубликованные в ДВП документы: Т. XXII. С. 547–551, 554–556.

¹³⁰ Запись разговоров Астахова с Риббентропом и Шнурре 2 и 3.8.1939 г., а также телеграммы Астахова от 3.8.1939 г. см. в документах № 180, 181 и др. в настоящем издании, частично также — в ДВП, т. XXII. С. 566–569. Текст записи Астахова отличается от приведенной здесь телеграммы, которую он 3.8.1939 г. заранее отправил в Москву. См. также: Fleischhauer. Pakt. S. 279–281.

¹³¹ Телеграмма Астахова, 5.8.1939 и запись Астахова от 3.8.1939, приложение к Козырев – Сталину, 5.8.1939 г. См. документы № 180, 181 в настоящем издании. Запись Шнурре, 3.8.1939 г. ADAP, VI. S. 884–885.

Молотов сначала отказался и предложение включить политическую декларацию в кредитное соглашение назвал «неподходящим»¹³². Однако идея политического соглашения вызвала в Москве огромный интерес и в оживленном дипломатическом диалоге начала постепенно приобретать конкретные очертания. В телеграмме Молотову 8 августа Астахов подробно излагал намерения немцев. Как выяснилось позже, это уже был в общих чертах договор о разграничении сфер влияния от 23 августа¹³³. Сталин тут же подчеркнул соответствующие пассажи, и Молотов немедленно сообщил о заинтересованности советской стороны в таком соглашении¹³⁴. Пока это делалось без всякой конкретизации, однако немецкая сторона уже открыто связывала идею договора с готовностью учесть советские пожелания в случае «возможных военных осложнений между Германией и Польшей» с вопросом о позиции Советского Союза в военных переговорах с Англией и Францией. В разговоре с Астаховым 10 августа Шнурре отбросил по этому поводу всякую дипломатическую сдержанность¹³⁵. И когда Астахов передал 12 августа реакцию Москвы, единственное, что по-настоящему интересовало его немецкого собеседника, была советская позиция по польскому вопросу. Однако Астахов по указанию Молотова уклонился от прямого ответа¹³⁶. Столь деликатные вопросы в Москве вообще не привыкли обсуждать через послов. По желанию Молотова, соответствующие переговоры должны были проводиться в Кремле. Поэтому Шуленбург не должен обращаться даже к заместителю наркома иностранных дел Потемкину, а только к нему лично, — сообщил нарком 21 августа. «У нас существует на этот счет определенный порядок», — не без наставления заметил он германскому послу¹³⁷.

Если Молотов все еще предлагал переговоры «по ступеням», то Берлин, ввиду готовящейся войны и мобилизации, все откровеннее настаивал на быстром заключении соглашения и немедленном визите Риббентропа в Москву. Советская сторона осознавала свое тактическое преимущество и по-прежнему стремилась выиграть время. Однако события стали развиваться очень быстро. Молотов 17 августа в ответе на поступившее от немцев предложение заключить договор о ненападении вернулся к высказанной ранее Шнурре идее «секретного протокола», в котором могли быть урегулированы интересующие обе стороны внешнеполитические вопросы¹³⁸. Ради подрыва московских переговоров с Западом немцы были готовы пойти даже на односторонние уступки, без каких-либо требований к Советскому Союзу, о чем сообщил в тот же день Астахов из Берлина, по крайней мере, относительно Прибалтики. Теперь уже и ему было ясно, что речь идет не просто о Данциге, а о всей Польше¹³⁹.

Риббентроп 18 августа прислал «проект» пакта якобы из трех пунктов, на самом деле всего два пункта общим объемом четыре строки¹⁴⁰. Когда Шуленбург 19 августа зачитал это Молотову,

¹³² Телеграмма Молотова, 7.8.1939 г. См. документ № 185 в настоящем издании.

¹³³ Астахов — Молотову, 8.8.1939 г. См. документ № 187 в настоящем издании. См. также: Fleischhauer. Pakt. S. 290–291.

¹³⁴ Телеграмма Молотова, 12.8.1939 г. См. документ № 189 в настоящем издании.

¹³⁵ Телеграмма Астахова, 10.8.1939 г. // ДВП. Т. XXII. С. 595–596. См. также документ № 188 в настоящем издании. Запись Шнурре, 10.8.1939 г. ADAP, Bd. VII. S. 14–16.

¹³⁶ Астахов — Молотову, 12.8.1939 г. // ДВП. Т. XXUU. Кн. 1. С. 597–598; Шнурре — Шуленбургу, 14.8.1939 г. ADAP, VII. S. 48. См. также: Fleischhauer. Pakt. S. 292–298.

¹³⁷ Дневник Молотова, 21.8.1939 г. См. документ № 195 в настоящем издании.

¹³⁸ Памятная записка Молотова, 17.8.1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 611–612; телеграмма Шуленбурга, 18.8.1939 г. ADAP, VII. S. 95–96.

¹³⁹ Телеграмма Астахова, 16.8.1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 608.

¹⁴⁰ ADAP, VII. S. 100–102; запись Молотова, 19.8.1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 615–617.

тот подчеркнул необходимость использовать при составлении проекта уже существующие типовые договоры и уточнить содержание протокола. Уже через два часа Молотов передал советский текст проекта, содержащий постскриптум о том, что настоящий пакт будет действителен лишь при одновременном подписании «особого» протокола¹⁴¹.

Этот проект лег в основу окончательного договора. Записи переговоров ни с советской, ни с немецкой стороны пока не найдены, если они вообще существуют. Зато среди советских документов обнаружено немецкое контрпредложение к советскому проекту от 19 августа в русском переводе, по всей вероятности, заранее заготовленное немецкой стороной¹⁴². Немецкий оригинал, составленный в тот момент, когда Риббентроп летел в Москву, не найден¹⁴³. Все изменения по отношению к первому советскому проекту, вошедшие затем в окончательную редакцию, были произведены Сталиным, очевидно, во время переговоров, но не всегда можно установить, по чьей инициативе. Предложенную немцами альтернативную, действительно «помпезную» преамбулу сняли после возражения Сталина. В советский текст генсек внес лишь незначительные редакционные исправления¹⁴⁴. Самое важное изменение в тексте договора касалось статьи II, обязывающей, согласно советскому проекту, к нейтралитету в случае, «если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом насилия или нападения со стороны третьей державы». Этот пассаж и без того не отвечал нормам международного права, по которым обязательство нейтралитета обычно возникает лишь в случае неспровоцированного нападения¹⁴⁵. Но Берлин предложил еще более откровенную формулировку: «В случае вступления одной из Договарившихся Сторон в военный конфликт с какой-нибудь третьей державой, другая Договаривающаяся Сторона никоим образом не будет поддерживать третью державу». Однако Сталин изменил текст этой статьи таким образом, что нейтралитет предписывался в случае, «если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы»¹⁴⁶. Хотя такая формулировка смягчала прямоу немецкого требования нейтралитета в случае любого военного конфликта, статья почти открыто рассчитана на грядущее нападение Германии на Польшу.

При таком сценарии развития событий предусматривались меры по разграничению сфер обоюдных интересов в Прибалтике и Восточной Европе¹⁴⁷. К сожалению, до сих пор не известны ни черновые проекты, ни детали обсуждения секретного протокола¹⁴⁸. Но он фактически соот-

¹⁴¹ Телеграмма Шуленбурга, 20.8.1939 г. ADAP VII. S. 124–126; запись Молотова, 19.8.1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 617–619.

¹⁴² Документ № 154 в настоящем издании.

¹⁴³ Fleischhauer. Pakt. S. 361.

¹⁴⁴ Фляйшхауэр предполагает пассивное принятие немецкой стороной «в целом безупречного советского проекта договора» (Fleischhauer. Pakt. S. 353, 361), а также добавление «помпезной преамбулы». Однако эта последняя, за вычетом незначительных редакторских поправок, содержалась уже в первом советском проекте. См. также пояснения в: ДВП, т. XXII, кн. 2, примеч. 177. С. 588–590.

¹⁴⁵ Фляйшхауэр (Fleischhauer. Pakt. S. 333) делает не слишком убедительный вывод о том, что советской стороне было в данном случае важно исключить поддержку Германией Японии в случае военного конфликта между Японией и СССР. Относительно самих переговоров Фляйшхауэр настаивает на том, что советская сторона была убеждена, что Германия попытается решить конфликт с Польшей мирным путем. См.: Там же. С. 365–368.

¹⁴⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 129.

¹⁴⁷ Иначе у Фляйшхауэр. См.: Fleischhauer. Pakt. S. 355.

¹⁴⁸ См.: ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Примеч. 178. С. 590–591. См. также: Fleischhauer. Pakt. S. 353–355.

ветствует тому, что немецкая сторона в конце июля 1939 г. называла отсутствием неразрешимых проблем на всей территории «от Балтийского до Черного моря», и в целом максимально идет навстречу советским пожеланиям.

Как известно, Гитлер лично обратился 20 августа к «господину Сталину» с просьбой принять Риббентропа «самое позднее» 23 августа для обсуждения желаемого советским правительством «дополнительного протокола»¹⁴⁹. При передаче этой телеграммы Шуленбург на вопрос Молотова о содержании протокола мог ответить только, что в нем будут содержаться все названные наркомом пункты. При этом немецкий посол добавил: «Если же помимо этих пунктов Советское Правительство пожелает еще внести что-нибудь в протокол», то он, Шуленбург, убежден, что и это будет сделано. Необходимость срочного ответа Шуленбург обосновал весьма красноречиво: «Риббентроп в Берлине сидит как на углях»¹⁵⁰. И действительно, Сталин ответил в течение двух часов¹⁵¹. Он лично составил сообщение ТАСС от 22 августа о заключении торгово-кредитного соглашения и о намерении правительства, чтобы устранить угрозу войны, заключить пакт о ненападении. Текст опубликованного сообщения отличался от текста, который Шуленбургу заранее передали для ознакомления. Сталин назвал целью предполагаемого договора не только попытку «разрядить напряженность в политических отношениях», но и «устранить угрозу войны», а также добавил ссылку на источник — ТАСС¹⁵².

Таким образом, в кратчайшие сроки был заключен пакт о ненападении, в составлении и редактировании которого Сталин лично принял участие¹⁵³. Содержание договора, как и «секретного протокола», для самих немцев было не столь существенно. Они решали главную задачу — выиграть время, расстроить советские переговоры с Англией и Францией, а также изолировать Польшу. Для Сталина это действительно был договор, о котором он ранее не осмелился бы и мечтать¹⁵⁴.

Успех германо-советских переговоров в августе 1939 г. — это не только достижение немецкой дипломатии, но и провал дипломатии Запада. Ни в Париже, ни в Лондоне, ни в Вашингтоне, получая сигналы о контактах СССР и Германии, не верили, что это может привести к каким-то реальным результатам. Почти все расчеты строились на одной политической аксиоме — непримиримости противоречий между Рейхом и Кремлем. Именно поэтому подписание пакта 23 августа вызвало такой шок в западных столицах. За шоком последовало негодование и даже обида на советское вероломство. С дистанции 80 лет подобные чувства вполне объяснимы. Согласившись на пакт, Сталин поставил Лондон, Париж и Варшаву в фактически безвыходное положение — им всем через десять дней пришлось вступить в войну.

В литературе часто встречается утверждение о двойной игре советского руководства. С одной стороны, переговоры с англичанами и французами, а с другой — тайные контакты с немцами. История часто преподносится таким образом, что Кремль вонзил нож в спину возможных союзников и принял предложение нацистов о сотрудничестве. В действительности, как мы сейчас видим, ситуация была значительно более противоречивой и не все зависело

¹⁴⁹ Телеграмма Риббентропа, 20.8.1939 г. ADAP, VII. S. 131; Год кризиса... Т. 2. С. 302.

¹⁵⁰ Дневник Молотова, 21.8.1939 г. См. документ № 195 в настоящем издании.

¹⁵¹ Телеграмма Шуленбурга, 21.8.1939 г. ADAP, VII. S. 139–140; Год кризиса... Т. 2. С. 303.

¹⁵² Документ № 197 в настоящем издании. Сообщение в «Известиях» от 22.8.1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 626. См. первоначальный текст в телеграмме Шуленбурга, 21.8.1939 г. ADAP, T. VII. S. 141.

¹⁵³ Окончательную редакцию и предшествующие варианты текста см.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 127–130.

¹⁵⁴ Slutsch. Stalin und Hitler. S. 82.

лично от Сталина. Приезд военных миссий Франции и Англии и длительные беседы с ними стали своеобразным камнем преткновения. Советское руководство отнеслось к переговорам военных штабов со всей серьезностью. Это показывают сохранившиеся в архиве Генерального штаба и Политбюро оригиналы записей бесед. Они стенографировались, затем расшифровывались, перепечатывались на машинке и отправлялись в тот же день Сталину. Можно как угодно относиться к искренности намерений англичан и французов, подчеркивать демократический характер принятия решений и процедуры различных согласований всех вопросов, но главное, и это было принципиально с точки зрения Москвы, – западные союзники не проявляли готовности оказать существенную военную помощь СССР в случае его войны с Германией.

Цели и достижения Сталина

Вокруг вопросов о том, хотел Кремль только отогнать от своих границ неизбежно надвигавшуюся войну или стремился способствовать войне между Германией и западными державами, чтобы создать благоприятные условия для собственных идеологических или экспансионистских целей, до сих пор идет ожесточенная полемика. Чего на самом деле хотел Сталин, источники прямо не сообщают.

Многие историки видят ключ к пониманию мышления Сталина в его речи 19 января 1925 г., где он говорит, что после взаимного ослабления всех участников мировых конфликтов можно с Красной армией «выступить последними» и «бросить решающую гирю на чашу весов». Обратим внимание, что Сталин говорил вообще об освободительном движении, из-за которого «вопрос об интервенции вновь становится актуальным», и, в частности, об «осложнениях в окружающих нас странах», при которых «вопрос о нашей армии, о ее мощи, о ее готовности обязательно встанет перед нами... как вопрос животрепещущий»¹⁵⁵.

Под интервенцией тут явно имеется в виду активное вмешательство, что вполне отвечает модели поведения в период революционных преобразований. Тогда Красная армия входила в области бывшей Российской империи и объясняла свое поведение поддержкой революции. При этом советское правительство либо само занималось обустройством коммунистических Советов, либо поддерживало их кадрами, деньгами и активным вмешательством Красной армии. На Кавказе подобные акции имели успех, в Финляндии и Прибалтике после первых многообещающих попыток пришлось отступить перед нажимом Германии и стран Антанты. В Польше летом 1920 г. попытались экспортировать революцию «на штыках Красной армии», однако реакция польского пролетариата оказалась не той, на какую рассчитывали¹⁵⁶.

При этом советская власть действовала точно так же, как Польша, Румыния или Греция, недовольные порядком, установившимся в Европе после Первой мировой войны. Как правило, эти государства, включая позднее и Германию, утверждали, что реализуют свое право на национальное самоопределение или, по крайней мере, законные национальные интересы, ущемленные державами-победительницами. Советская власть по определению не могла воспользоваться подобной аргументацией, но ее вожди отождествляли любую внешнюю интервенцию с классовыми интересами международного пролетариата и социальной революцией.

¹⁵⁵ Речь на пленуме ЦК РКП(б) 19.1.1925 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. С. 9–12.

¹⁵⁶ Carr, E. H. The Bolshevik Revolution. Vol. 3. London, 1953. P. 159. Ср. Krummacker/Lange. Krieg und Frieden. S. 91.

Когда Сталин в 1925 г. высказал свои соображения о вмешательстве Красной армии в защиту пролетарской революции, речь шла о сугубо внутривнутриполитической проблеме, получившей отклик в партийном споре о будущем армии. Должна ли она превратиться в милицию, как предлагал вечный оппонент Сталина Троцкий, или она будет строиться как обычная армия с воинской повинностью, на чем настаивал заместитель Троцкого и его преемник на посту наркома по военно-морским делам Михаил Фрунзе? Суть спора заключалась в столкновении сталинской концепции «революции в одной, отдельно взятой, стране» и доктрины Троцкого о «перманентной революции». Сталин, естественно, поддерживал Фрунзе, аргументируя необходимость создать регулярную армию ее эффективностью в случае мировой революции. В ответ на возражение Троцкого, будто он, Сталин, не верит в международную революцию, которая только и может обезопасить СССР, начинающий диктатор ловко обратил этот аргумент против его автора, обвинив Троцкого в «ликвидаторском настроении» по отношению к армии — гаранту международной революции¹⁵⁷.

Сталин, разумеется, знал, что делал. Пагубные коннотации слова «ликвидаторство» были всем памяты еще со времен Ленина. Но самое важное, что в 1925 г. на повестке дня вообще не было внешнеполитических вопросов. Речь шла о чисто гипотетических проблемах, о неких «начертаниях» или «контурах» мысли. Конечно, если эти «контурсы» возникали каждый раз, когда вставал вопрос о советской политике за пределами границ СССР, то их нельзя считать несущественными. К примеру, разговоры об увеличении числа советских республик — надежный признак того, что в Москве военную интервенцию считали одним из вероятных выходов¹⁵⁸. Однако одно дело — использовать предоставляющуюся возможность для военной интервенции, а другое — целенаправленно стремиться к такой возможности и в целях поддержки мировой революции постоянно подстрекать войны, чтобы иметь предлог для вмешательства не только у собственных границ, но и по всей Европе или даже миру. Когда такие мысли объявляют «доктриной Сталина» (Некрич) с 1925 г., то предполагается — без учета конкретных обстоятельств — именно эта последняя позиция¹⁵⁹. В сочетании с идеей «активной обороны» подобная «доктрина» стала доказательным фундаментом для множества монографий о якобы масштабных захватнических планах Сталина, или Советского Союза¹⁶⁰. Используя игру слов, отдельные исследователи даже пишут, что Сталин сознательно пошел на «пакт о нападении»¹⁶¹. Впрочем, на Западе и в России многие авторы резко критикуют такие взгляды¹⁶².

¹⁵⁷ Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. С. 5. О спорах и проблемах реформирования армии. См. также: Вестник Архива Президента. Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007.

¹⁵⁸ См. также: Pietrow-Ennker, B. «Mit den Wölfen heulen...» Stalinistische Außen- und Deutschlandpolitik 1939–1941. In: B. Pietrow-Ennker (Hrsg.). Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt am Main, 2000. S. 81–83; Pietrow. Stalinismus. S. 127–130; Besymenski. Stalin und Hitler. S. 149–151.

¹⁵⁹ Nekrich. Pariahs. P. 104–106; Tucker. Stalin in Power. P. 592; Hilger, G. Wir und der Kreml. Frankfurt am Main, 1964. S. 292.

¹⁶⁰ Topitsch, E. Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik. Herford, 1990; Raack, R. C. Stalin's Drive to the West, 1938–1945. Stanford, 1995; Weeks, A. L. Stalin's Other War. Grand Strategy, 1939–1941. Lanham, 2002; Musial, B. Kampfplatz Deutschland. Stalins Kriegspläne gegen den Westen. Berlin, 2008. См. об этом также: Bonwetsch, B. Die Forschungskontroverse über die Kriegsvorbereitungen der Roten Armee 1941. In: Pietrow-Ennker. Präventivkrieg. S. 170–189.

¹⁶¹ Ahmann, R. Der Hitler — Stalin — Pakt: Nichtangriffs- oder Angriffsvertrag? In: E. Oberländer (Hg.). Hitler — Stalin — Pakt 1939. Das Ende Ostmitteleuropas? Frankfurt am Main, 1989. S. 26–42.

¹⁶² См.: Gab es einen Stalin-Hitler-Pakt?; Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009.

И все же не Сталин провоцировал германскую агрессию против Польши. Решение принял Гитлер еще 3 апреля 1939 г. («план “Вайс”») ¹⁶³. Тем не менее некоторые, в основном российские авторы ссылаются на речь, якобы произнесенную Сталиным 19 августа 1939 г. перед Политбюро и крупными деятелями Коминтерна. В этой речи генсек будто бы обосновывал свое решение о пакте в духе высказывания 1925 г. Пересказ «речи» 28 ноября 1939 г. распространило французское агентство «Гавас». Спустя два дня Сталин выступил в «Правде» с опровержением. Конечно, опровержение в таких случаях значит немного, однако есть веские основания считать сообщение Гаваса подделкой ¹⁶⁴. Хотя, вполне возможно, столь быстрая реакция из Москвы свидетельствует о том, что французская «утка» уловила какие-то тайные намерения Кремля ¹⁶⁵.

Единственные источники, рассказывающие нам о расчетах и планах Сталина в связи с договором 23 августа 1939 г., — это воспоминания Никиты Хрущева и дневниковые записи Георгия Димитрова. Хрущев описывает, как после отъезда Риббентропа Сталин, очень довольный собой, сообщил ничего не подозревавшим членам Политбюро, что перехитрил Гитлера. При этом он перечислил территориальные приобретения Советского Союза от Финляндии до Бессарабии. Предстоящее нападение Германии на Польшу и вызванная этим война с западными державами были для него несомненным фактом ¹⁶⁶.

Сталин относился к обострению ситуации, как минимум, одобрительно. В дальнейшем он, во всяком случае, поддерживал боеспособность Германии важными военными поставками. Даже если не придерживаться мнения, что целью Сталина было осуществление приписываемого ему плана распространения социалистической революции с помощью войны, это не объяснить просто «политикой безопасности». Выбрав договор с Германией, Сталин не только не допустил втягивание СССР в войну, но и, несомненно, извлек из этого пользу для расширения сферы советского влияния. Какими были конечные цели этой сферы или экспансии — другой вопрос, на который нет убедительного ответа. Готовя директиву для Коминтерна, Димитров попросил Сталина дать разъяснения по поводу пакта и новой международной ситуации после нападения Германии на Польшу. Сталин прямо и цинично изложил свои соображения, а Димитров их кратко записал ¹⁶⁷. Их суть сводилась к заинтересованности во взаимном ослаблении капиталистических стран в борьбе за передел мира, чем могут воспользоваться коммунисты и рабочий класс ¹⁶⁸.

Разумеется, в этом можно усмотреть параллели с высказываниями 1925 г. Однако в сентябре 1939 г. Сталину важно не столько изложить свои планы на будущее, сколько объяснить

¹⁶³ Указание Кейтеля вермахту, 3.4.1939 г. ADAP, Bd. VI. S. 154.

¹⁶⁴ Bonwetsch, B. Stalins Äußerungen zur Politik gegenüber Deutschland 1939–1941. In: Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Die Kontroverse um die Präventivkriegsthese. Darmstadt, 1998. S. 147–149; Случ С. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113–139.

¹⁶⁵ Телеграмма Сурица, 28.11.1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 343.

¹⁶⁶ Хрущев Н. С. Воспоминания. Т. 1. С. 226–228. См. также: Chruschtschow erinnert sich. Reinbek 1970. S. 140–141.

¹⁶⁷ Димитров — Жданову, 5.9.1939 г. // Коминтерн и Вторая мировая война. Т. 1. С. 88. См. также: Bayerlein, B. H. «Der Verräter, Stalin, bist Du!» Vom Ende der linken Solidarität. Komintern und kommunistische Parteien im Zweiten Weltkrieg 1939–1941. Berlin, 2008. S. 121.

¹⁶⁸ См. подробнее: Выдержка из дневника Г. Димитрова, 7.9.1939 г. // Политбюро и Коминтерн... С. 779–781. Ср. места «смягченный» перевод: Georgi Dimitroff. Tagebücher 1933–1943, hrsg. von B. Bayerlein. Bd. 1. Berlin, 2000. S. 273–274. См. также: Bonwetsch, B. Stalins Äußerungen zur Politik gegenüber Deutschland 1939–1941. In: G. R. Ueberschär/L. A. Bezymenskij (Hg.). Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. Die Kontroverse um die Präventivkriegsthese. Darmstadt, 1998. S. 146–147.

ситуацию совершенно сбитым с толку коммунистическим партиям и их членам по всему миру, причем в категориях «марксистского» мировоззрения. А коммунистический мир действительно был в полной растерянности¹⁶⁹. У Гитлера, впрочем, возникли аналогичные проблемы. За несколько дней до разъяснений Сталина фюрер собрал гауляйтеров и депутатов рейхстага — членов НСДАП и сказал, что пакт с Советским Союзом «был неправильно понят многими членами партии». Он категорично подчеркнул, что в его отношении к Советскому Союзу ничего не изменилось: «Это пакт с сатаной, чтобы изжить дьявола», «против Советов все средства хороши, в том числе и такой пакт»¹⁷⁰. Разъяснения вождей не сильно различались. Общим сторонам пакт принес материальные и стратегические преимущества, которые, однако, конкретно не назывались. Вместо этого Сталин назвал пакт оружием в борьбе с капитализмом, а Гитлер — с Советским Союзом. Идеологический «антураж» был внешне восстановлен, однако реальные планы Сталина в изложении Димитрова даны лишь наметками — распространение социалистической системы на новые территории и население, расширение государственных границ Советского Союза на запад, в принципе по всем направлениям, но конкретно упоминалась лишь территория Польши. Все прочее оставалось невысказанным. В этом духе была составлена и короткая директива коммунистическим партиям, отосланная им 8 сентября. Компартии Англии, Франции, США и Бельгии были перечислены в ней как неверно истолковавшие политическую линию, т. е. призывавшие к борьбе с немецкой агрессией. Директива особенно резко настаивала на двух позициях: 1. Международный пролетариат ни в коем случае не может защищать фашистскую Польшу, угнетающую другие национальности и отвергнувшую помощь Советского Союза; 2. Коммунистические партии должны повсюду перейти в наступление против предательской политики социал-демократии¹⁷¹.

Международному пролетариату объясняли, что врага нужно искать в фашистской Польше, в нейтральных странах и вообще в капиталистическом мире, а также среди социал-демократов, но менее всего в Германии, которая, в отличие от Франции, США и Англии, не была названа. Правда, и свержение капитализма больше не упоминалось. Подчеркивался лишь империалистический характер войны и требование к коммунистам выступить за то, что в ленинские времена называлось «пораженчеством». Пакт о ненападении в директиве также не упоминался, будто его не было.

С точки зрения высшего советского руководства договор имел объективные преимущества: СССР оставался вне войны на неопределенно долгое время; появлялась возможность подготовиться к будущей войне; Запад связывался войной в Польше, а затем, возможно, должен был долго воевать с Германией; никакие сепаратные переговоры с Германией становились невозможны, и, следовательно, единый антисоветский фронт не мог появиться; СССР расширял сферу своего влияния и имел гарантированную поддержку в решении политических и территориальных вопросов со стороны Германии; Гитлер пошел на широкомасштабное торговое и экономическое сотрудничество, а Советский Союз получил доступ к немецким военным технологиям; стабилизировалась ситуация на Дальнем Востоке. Япония никогда не сможет решиться на какие-либо действия против СССР при наличии договора о сотрудничестве между Германией и Советским Союзом.

¹⁶⁹ О растерянности коммунистических партий см. в: Bayerlein, B. H. «Der Verräter, Stalin, bist Du!» Vom Ende der linken Solidarität. Komintern und kommunistische Parteien im Zweiten Weltkrieg 1939–1941. Berlin, 2008.

¹⁷⁰ Встреча состоялась 28 августа 1939 г. Цит. по: Ueberschär, G. Die Entwicklung der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1939 bis 1941 und Hitlers Entschluß zum Überfall auf die UdSSR. In: Ueberschär/Bezymenskij. Angriff. S. 8.

¹⁷¹ Коминтерн и Вторая мировая война. Т. 1. С. 88–90; Bayerlein. Verräter. S. 126–127.

Последнее обстоятельство имело ключевое значение для положения СССР на Дальнем Востоке. Хотя военный конфликт на Халхин-Голе весной и летом 1939 г. носил локальный характер, любая эскалация угрожала появлением реального фронта, что было очень невыгодно советским властям. Расчет на то, что договоренность с Германией повлияет на страну Восходящего солнца, оказался верным. После новостей о заключении договора о ненападении между Берлином и Москвой в Токио разразился настоящий политический кризис. Японцы нашли поведение ближайшего союзника «оскорбительным» и нарушающим секретные положения Антикоминтерновского пакта о необходимости консультироваться друг с другом при проведении подобных переговоров. Японское правительство направило в Берлин официальный протест. Однако, по требованию Риббентропа Вайцзеккер отказался его принять. Кабинет министров Японии 28 августа подал в отставку. Суммируя вышесказанное: Гитлер сделал Сталину такое предложение, от которого он не мог отказаться.

Сталин и нападение Германии на Советский Союз

Революционные изменения, произошедшие в следующие 22 месяца не без «помощи» Красной армии, были бы невыносимы без пакта о ненападении, договора о дружбе и границе 28 сентября 1939 г. и соответствующих тайных договоренностей. Эти договоренности составили фундамент советской политики в отношении к Германии вплоть до июня 1941 г. Они позволили СССР расширить свою территорию на западе практически до прежних границ Российской империи. Эти процессы хорошо освещены в научной литературе¹⁷². Ставшие теперь доступными документы из Архива Президента Российской Федерации не дают в этом отношении чего-то сенсационно нового. Наиболее принципиальные источники — к примеру, о поездке Молотова в Германию в ноябре 1940 г. — опубликованы ранее¹⁷³.

Тем не менее документы Архива Президента позволяют по-новому взглянуть на огромную заинтересованность Москвы в улучшении политических отношений с Германией из соображений оборонных поставок и в этом плане дополняют известные немецкие материалы. В берлинских планах Советскому Союзу отводилась роль либо прямого поставщика, либо посредника в торговых операциях, восполняющих большую часть нарушенного блокадой импорта. Однако представление о СССР как о потенциальном «младшем партнере на службе военной экономики Германии» не соответствовало ни интересам, ни самосознанию Москвы¹⁷⁴.

В Кремле хорошо понимали зависимость Германии от поставок сырья, чем и не преминули воспользоваться для повышения технического уровня собственных вооружений. Сталин 4 сентября поручил наркому внешней торговли Микояну в двухдневный срок совместно с наркомом Кагановичем, Сергеевым, Малышевым и Тевосяном подготовить «группы работников» для

¹⁷² Наиболее полный охват источников у Габриэля Городецкого: Gorodetsky, G. *Grand Delusion. Stalin and the German Invasion of Russia*. New Haven — London, 1999. См. также: Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008; Pietrow, B. *Stalinismus, Sicherheit, Offensive*, часть 2; Tucker. *Stalin in Power*. P. 598–619; Slutsch. *Stalin und Hitler*. S. 82–87.

¹⁷³ Некоторые директивы к берлинской поездке 9.11.1940 г. и другие документы см.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(1). «Директивы» Молотову в немецком переводе см.: Lev A. Bezymenskij. *Ausgewählte sowjetische Dokumente*. In: Ueberschär/Bezymenskij. *Der deutsche Angriff*. S. 174–176. См. также: Поездка В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 64–99; Besymenski. *Stalin und Hitler*. S. 314–340.

¹⁷⁴ Schwendemann. *Wirtschaftliche Zusammenarbeit*. S. 89, 109.

отправки в Германию и Италию с соответствующей закупочной миссией¹⁷⁵. Микоян 7 сентября представил на утверждение ЦК список из 14 человек, которым предписывалось в трехдневный срок разработать подробную программу¹⁷⁶. В последующие недели список делегации был пополнен новыми членами. Им ставилась задача выяснить «новые технические достижения немцев» и возможность закупки соответствующих образцов¹⁷⁷.

Советская делегация под руководством наркома судостроения Тевосяна, состоявшая из десятков специалистов, прибыла в Берлин в конце октября 1939 г. Полтора месяца они ездили по Германии, удивляя немецких партнеров конкретностью своих пожеланий. Русские постоянно настаивали на показе новейших технических достижений, хотя им, отчасти и по прямому указанию Гитлера, вовсе не пытались сплавить «залежавшийся» товар. Сталин постоянно получал от Микояна устную информацию о ходе дел и безотлагательно знакомился с подробными отчетами о результатах переговоров: эти отчеты предоставляли «бригады» специалистов в составе делегации. В результате, он мог давать детальные указания¹⁷⁸. Представители немецкой стороны, например, те, с кем он лично вел переговоры в Кремле 31 декабря 1939 г., были поражены его осведомленностью¹⁷⁹.

Нацистский рейх, остро нуждаясь в поставках советского сырья из-за роста собственных потребностей, лишь с большим трудом был способен адекватно расплачиваться товарами, промышленным оборудованием и вооружениями. Сталин в этом вопросе пошел навстречу. Хозяйственное соглашение от 11 февраля 1940 г. предусматривало асимметрию в 20% стоимости в пользу Германии. В итоге Берлин мог растянуть свои поставки за пределы годовичного срока действия договора¹⁸⁰. В ходе исполнения договора асимметрия даже увеличилась, хотя советская сторона, судя по отчету Микояна, была довольна результатами, так как с учетом фактических поставок немецкое отставание от зафиксированной пропорции было минимальным¹⁸¹. Выравнить поставки предусматривалось до 20 апреля 1941 г.¹⁸²

Разумеется, советские поставки и договоренности о транзите товаров увеличивали военную мощь Германии. Но то, что Сталин таким образом будто бы хотел «подстрекнуть Гитлера к нападению на Запад», как считают отдельные историки, — это умозрительное и ни на чем не основанное предположение¹⁸³. Советская экономическая политика в 1939–1941 гг. должна трактоваться во внешнеполитическом контексте. Она, несомненно, содержала элемент политического «умиротворения». Однако не следует интерпретировать ее исключительно в смысле односто-

¹⁷⁵ Выдержка из протокола Политбюро от 4.9.1939 г. См. документ № 204 в настоящем издании.

¹⁷⁶ Микоян — Сталину и Молотову, 7.9.1939 г. См. документ № 205 в настоящем издании.

¹⁷⁷ Решение Политбюро от 15.10.1939 г. См. документ № 211 в настоящем издании.

¹⁷⁸ Записка Ворошилова Сталину и Молотову от 20.10.1939, протокол заседания Политбюро от 23.10.1939 г. См. документы № 215, 216 в настоящем издании (список желаемых заказов на 26 листах; список 62 членов делегации). См. также рассуждения Швендемана: *Wirtschaftliche Zusammenarbeit*. S. 100–112; Юнаков — Поскребышеву, 20.9.1940 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 669. Л. 16.

¹⁷⁹ Schwendemann. *Wirtschaftliche Zusammenarbeit*. S. 125. Военно-промышленные аспекты советской политики в отношении Германии подробно отражены в делах 665–670 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64.

¹⁸⁰ Schwendemann. *Op. cit.* 120–149.

¹⁸¹ Микоян — Сталину и Молотову, 11.3.1941 г. См. документ № 253 в настоящем издании.

¹⁸² Микоян — Сталину и Молотову, 26.3.1941 г. См. документ № 254 в настоящем издании.

¹⁸³ Schwendemann. *Wirtschaftliche Zusammenarbeit*. S. 142.

ронных экономических уступок. При таком подходе заинтересованность СССР в масштабном приобретении (трансфере) военно-промышленных технологий превращается в малозначительное побочное явление. А заинтересованность эта, судя по новым документам, была более чем серьезной и не носила тактического характера. Этим объясняется решимость Микояна пойти на конфликт в ходе контроля за выполнением соглашения¹⁸⁴. Следует также принять во внимание, что Германии было совсем непросто осуществлять встречные поставки.

Что касается политической составляющей экономических отношений, то готовность СССР пойти навстречу Германии оправдывалась даже в том случае, если бы желаемым результатом было только немецкое согласие с советскими территориальными приобретениями или подрыв возможных, но маловероятных германских соглашений с Англией и Францией. Не случайно, Молотов в ноябре 1940 г., уже после быстрой победы Германии над Францией, требовал в Берлине свободы действий по образцу Прибалтики для решения «финской проблемы». Вероятно, лишь отрезвляющий результат этой поездки привел к повторному согласию на асимметричные обязательства по поставкам в новом советско-германском экономическом соглашении от 10 января 1941 г.¹⁸⁵ Такая уступчивость, видимо, должна была подчеркнуть в первую очередь надежность советского партнерства и его выгоду для Германии. Готовность идти навстречу выражалась в экономических отношениях как таковых, а не в асимметрии обязательств. Во всяком случае, в фактическом обмене товарами в первой половине 1941 г. никакой асимметрии уже не было. Согласно немецким документам, экспорт Германии даже превысил импорт из Советского Союза. Правда, в этом сыграли свою роль долги предыдущего года, а согласие принять в уплату золото вместо вооружений, возможно, было уступкой¹⁸⁶. Впечатление экономической «политики умиротворения», т.е. постоянных односторонних уступок, вызванное не в последнюю очередь преднамеренными заявлениями того времени, обманчиво¹⁸⁷. Экономическое «умиротворение» со стороны Сталина было весьма умеренным.

Лишь в последние предвоенные месяцы Сталин был готов идти на экономические уступки, которые можно назвать дорогостоящей демонстрацией лояльности. В частности, речь идет о решении продать Германии большое количество зерна по цене значительно ниже той, которую платили другие страны¹⁸⁸. Если военно-промышленные поставки из Германии достигли «рекордного уровня» и уже не отставали от договорных обязательств, то это объясняется не в последнюю очередь тем, что советская сторона соглашалась платить по завышенным ценам¹⁸⁹. С другой стороны, не следует забывать, что Москва была очень заинтересована в этих поставках и жаловалась на цены отчасти из тактических соображений, чтобы добиться большего объема поставок¹⁹⁰.

¹⁸⁴ Чубарьян А. О. Канун трагедии. С. 299–301.

¹⁸⁵ Дополнительное соглашение от 10.1.1941 г. // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(1). С. 292–294. См. также: Schwendemann. Wirtschaftliche Zusammenarbeit. S. 255–263.

¹⁸⁶ Schwendemann. Wirtschaftliche Zusammenarbeit. S. 263.

¹⁸⁷ Slutsch. Stalin und Hitler. S. 84. А. О. Чубарьян (Канун трагедии. С. 335) цитирует британского посла Криппса в том же смысле.

¹⁸⁸ Микоян — Сталину и Молотову (со «справкой» о разнице в цене), 19.2.1941 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 670. Л. 82–92; Schwendemann. Zusammenarbeit. S. 317.

¹⁸⁹ Schwendemann. Wirtschaftliche Zusammenarbeit. S. 276–352.

¹⁹⁰ Записка Микояна Сталину, 11.6.1941 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 670. Л.155–160.

Когда речь заходила о непосредственном нападении Германии на СССР, то в науке долгое время не было никаких разногласий, за исключением дискуссии по вопросу, начал Гитлер войну с Советским Союзом по стратегическим или в первую очередь по политико-идеологическим соображениям. Историки, склонявшиеся к первой позиции, понимали под ней намерение поставить на колени Англию, лишив ее русского «континентального кинжала»¹⁹¹. Представители другой школы, в первую очередь такой известный в Германии историк, как Андреас Хильгрубер, основное внимание уделяли идеологически-программным соображениям Гитлера. Они считают, что с 1933 г. нацистский фюрер начал постепенно осуществлять идеи завоевания жизненного пространства на Востоке, которые наметил еще в 1920-е годы. В 1940 г. Гитлер увидел, по мнению Хильгрубера, самый подходящий, если не последний, момент для достижения главной своей цели — уничтожения Советского Союза, поскольку Англия в это время не могла серьезно угрожать Германии с тыла¹⁹². Хотя в какой-то степени этот спор еще продолжается, мы разделяем взгляды ученых, которые полагают, что Гитлер принял решение по совокупности идеологических, политических и стратегических соображений¹⁹³.

Состояние источников в гораздо меньшей степени позволяет судить о мотивах советской политики, чем немецкой. О многом, к сожалению, приходится только догадываться или строить лишь предположения. Это касается, к примеру, перемены позиции Сталина между 23 августа и 28 сентября 1939 г., приведшей к дальновидному исправлению договора о разделении сфер влияния фактически по линии Керзона. За изменениями, внесенными в договор 28 сентября, можно увидеть стремление Сталина не ставить ненужных препятствий на пути будущего взаимопонимания с Западом. Примечательна также и сдержанная реакция западных держав, не хотевших окончательно толкнуть Советский Союз в объятия Германии¹⁹⁴. Однако требуется больше документов для веских выводов¹⁹⁵. Определенно можно утверждать, что в поведении Лондона и Парижа осенью 1939 г. Сталин легко находил оправдания для перемены своего курса в августе. Своему главному союзнику в Восточной Европе западные державы смогли предложить лишь убежище для правительства в изгнании. «Странная» или «Сидячая война», «Phoney War», «*Drôle de guerre*»¹⁹⁶ — так назывался род противостояния, на который оказались способны Англия и

¹⁹¹ Schustereit, H. Vabanque. Hitlers Angriff auf die Sowjetunion 1941 als Versuch, durch den Sieg im Osten den Westen zu bezwingen. Herford, 1988. См. также: Stegemann, B. Der Entschluß zum Unternehmen Barbarossa. Strategie oder Ideologie? In: Geschichte in Wissenschaft und Unterricht 33. 1982. S. 205–213; Taylor, A. J. H. Origins of the Second World War. London, 1964; E. M. Robertson (ed.). The Origins of the Second World War. London, 1971.

¹⁹² Hillgruber, A. Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940–1941. Frankfurt am Main, 1965; Он же., Noch einmal. Hitlers Wendung gegen die Sowjetunion 1940. In: Hillgruber, A. Die Zerstörung Europas. Frankfurt am Main, 1988. S. 239–255; Kuhn, A. Das nationalsozialistische Deutschland und die Sowjetunion. In: M. Funke (Hg.). Hitler, Deutschland und die Mächte. Düsseldorf, 1976. S. 639–653; Ueberschär, G. R. Die Entwicklung der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1939 bis 1941 und Hitlers Entschluß zum Überfall auf die UdSSR. In: G. R. Ueberschär, L. A. Bezymenskij (Hg.). Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. S. 3–20. См. также: Leach, B. A. German Strategy against Russia, 1939–1941. Oxford, 1973.

¹⁹³ Förster, J. Hitlers Entscheidung für den Krieg gegen die Sowjetunion. In: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 3–37; Gorodetsky. Grand Delusion. S. 48–52. См. также: Erickson, J. The Road to Stalingrad. London, 1975.

¹⁹⁴ Чубарьян А. О. в книге «Канун трагедии» (С. 35–77, 135–164) подчеркивает особенно этот аспект, основываясь, впрочем, исключительно на косвенных признаках.

¹⁹⁵ К примеру, мы не имеем оригиналов многих карт того времени, хотя в работу по созданию новых границ были вовлечены сотни специалистов.

¹⁹⁶ В Англии ее называли «скучной» и «комичной». Сам Гитлер называл ее «картофельной», подразумевая, что все сведется лишь к экономической блокаде. См.: Кеттенаккер Л. Великобритания: Объявление войны как дело чести // Трагедия Европы: От кризиса 1939 года до нападения на СССР. Мюнхен, 2013. С. 92–93.

Франция после объявления войны 3 сентября 1939 г. Заключив союз с западными державами, Советский Союз, наряду с непосредственно подвергшейся агрессии стороной, мог быть втянут в войну и рисковал остаться один на один против Германии.

Другой запутанный сюжет — советская политика в Юго-Восточной Европе. Известно, что Берлин еще 23 августа 1939 г. заявлял о своей «незаинтересованности» этим регионом и неоднократно подтверждал это в ходе последующих дискуссий. Однако, как уже не раз случалось с нацистским фюрером, он обещания не сдержал, и балканская тема стала предметом серьезных разногласий. Отдельные авторы советское противодействие германской политике даже называют существенным обстоятельством, побудившим Гитлера к войне с СССР. Другие считают преобладание Германии на Балканах необходимой предпосылкой будущего нападения на Советский Союз¹⁹⁷. Кульминационным пунктом трений стало заключение 5 апреля 1941 г. советско-югославского пакта о дружбе и ненападении. Это произошло через несколько дней после свержения дружественного Берлину правительства, которое 25 марта 1941 г. присоединилось к прогерманскому пакту трех держав. Официально договор был заключен накануне нападения Германии на Белград, а на самом деле ранним утром 6 апреля, когда немецкое наступление уже началось¹⁹⁸.

Есть основания предполагать, что заключенный при столь драматических обстоятельствах быстрый договор с югославами был внятным сигналом в адрес Гитлера. Ему недвусмысленно показывали, что Советский Союз намерен отстаивать собственные интересы, однако не желает прямого конфликта. Действия Москвы можно понять и как попытку заставить Гитлера отказаться от возможных планов «похода на Россию», вести еще одну войну в Европе. Надежда югославы на военную поддержку Советского Союза оказалась иллюзорной. Этого Москва не собиралась делать ни при каких обстоятельствах. Как и в случае предыдущих походов, никто не мог ожидать, что война против Югославии займет у Германии всего несколько дней¹⁹⁹. Новые документы из АП РФ не проясняют этих вопросов. Согласимся с российским исследователем Л. Я. Гибианским: историки остро нуждаются в рабочих документах советского руководства, чтобы понять процесс принятия решений и мотивы²⁰⁰.

Пожалуй, самую острую дискуссию о советско-германских отношениях вызвал в конце 1980-х годов тезис Виктора Резуна-Суворова о том, будто Сталин собирался летом 1941 г. напасть на Германию, а Гитлер упредил его 22 июня. Суть подобной версии заимствована из нацистской пропаганды, о чем беглый советский разведчик старательно умалчивает. Гипотезы о якобы «агрессивных намерениях» Кремля появлялись в западной праворадикальной литературе задолго до Суворова, но их авторы в академической среде не пользовались авторитетом²⁰¹. Необходимо также отметить, что скандальная популярность «Ледокола» возникла

¹⁹⁷ Gorodetsky. *Grand Delusion*. P. 51–52; Littlefield, F. C. *Germany and Yugoslavia, 1933–1941*. New York, 1988. P. 89–90.

¹⁹⁸ Текст договора см. в: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 522–523.

¹⁹⁹ См., например, запись разговора Деканозова с Шуленбургом, 5.5.1941 г. // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 654–657; Гибианский Л. Я. Югославия перед ликом фашистской агрессии и Советский Союз // *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг.* М., 1999. С. 405–501; Gorodetsky. *Grand Delusion*. P. 137–154.

²⁰⁰ Гибианский Л. Я. Балканский кризис и Советский Союз // *Международный кризис 1939–1941 гг.* М., 2006. С. 481–528; Он же. Развитие ситуации в Юго-Восточной Европе в 1940–1941 гг. в контексте советско-германских отношений // *Трагедия Европы*. С. 195–213.

²⁰¹ Fabry, Ph. W. *Der Hitler-Stalin-Pakt 1939–1941. Ein Beitrag zur Methode sowjetischer Außenpolitik*. Darmstadt, 1962; Он же. *Die Sowjetunion und das Dritte Reich*. Stuttgart, 1971; Walendy, U. *Moskau 1940 kriegsentschlossen*. Oldendorf, 1982; Helmdach, E. *Überfall? Der sowjetische Aufmarsch 1941*. 4. Aufl. Neckargemünd, 1978; Suworow, V. *Der Eisbrecher. Hitler in Stalins Kalkül*. Stuttgart, 1989. Русское издание вышло позже: Суворов В. *Ледокол*. М., 1993.

на общей волне антикоммунизма в период распада Советского Союза. Прямо или косвенно доводы Суворова использовались в борьбе с идеологическим наследием коммунистической партии, которая всегда апеллировала к опыту войны и победе в ней для собственной пропаганды. Настоящая дискуссия началась лишь после публикации бывшим директором Института военной истории Министерства обороны СССР генералом Д. А. Волкогоновым информации о плане превентивного удара, составленном советским генштабом в середине мая 1941 г.²⁰² Если в Германии тезисы Суворова вызвали в академических кругах повсеместную критику, то в России, как ни странно, именно историки, отталкиваясь от этих двух провоцирующих книг «Ледокол» и «Сталин. Триумф и трагедия», пытались доказать, что Сталин собирался летом 1941 г. напасть на Германию и что предложенные в середине мая начальником Генерального штаба Жуковым меры, хотя и отклоненные формально, на самом деле были тайно приняты к исполнению²⁰³. Правда, в важнейшем пункте эти историки расходятся с Суворовым и его немецкими единомышленниками вроде Йоахима Хоффмана, Вернера Мазера, Вальтера Поста, Эрнста Топича, Фрица Беккера и других: они не изображают нападение Гитлера исключительно превентивной мерой²⁰⁴.

Наиболее последовательно на эту тему в российской литературе выступает М. И. Мельтюхов. Уже в первой своей статье, не будучи знаком с предшествующей западной литературой, он пишет, что книга Суворова «ставит серьёзную и многогранную проблему о целях и намерениях советского руководства в 1939–1941 годах». Однако спор о «превентивной войне» Мельтюхов называет бесплодным на том основании, что будто бы «отсутствует чёткое определение превентивности»²⁰⁵. На самом деле существуют определения на немецком, английском и испанском языках. В США это понятие носит более определённый характер, так как дано официальным учреждением — Министерством обороны²⁰⁶. В своих последующих работах и их переизданиях Мельтюхов настойчиво проводит одну и ту же мысль — о подготовке Сталиным и советским руководством «нападения» на Германию. Неосуществление таких намерений он называет «упущенным шансом». Хочет того российский историк или нет, но объективно

²⁰² Wolkogonow, D. Stalin. Triumph und Tragödie. Ein politisches Porträt. Düsseldorf, 1989. Русское издание: Волкогонов Д. А. Сталин. Триумф и трагедия. Кн. 1–2. М., 1989.

²⁰³ Об этой дискуссии см. в: Messerschmidt, M. Präventivkrieg? Zur Kontroverse um die deutsche Außen- und Militärpolitik vor dem Angriff auf die Sowjetunion. In: B. Pietrow-Ennker (Hrsg.). Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt am Main, 2000. S. 19–36; Bonwetsch, B. Die Forschungskontroverse um die Angriffsvorbereitungen der Roten Armee 1941, там же. S. 170–189; Он же. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion und seine Vorgeschichte. In: M. Keller (Hrsg.). 22 Juni 1941. Der Beginn des Krieges gegen die Sowjetunion. Bochum, 2001. S. 11–24; Boroznjak, A. I. Ein russischer Historikerstreit? Zur sowjetischen und russischen Historiographie über den deutschen Angriff auf die Sowjetunion. In: Ueberschär/ Bezymenskij. Der deutsche Angriff. S. 116–128. См. также: Mawdsley, I. Thunder in the East. The Nazi-Soviet War 1941–1945. London, 2005. P. 32–41.

²⁰⁴ Maser, W. Der Wortbruch. München, 1994; Klüver, M. Präventivschlag 1941. Zur Vorgeschichte des Russlandfeldzuges. 2. Aufl. Leoni, 1989; Hoffmann, J. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München, 1995 (5-е изд. 1999); Post, W. Unternehmen Barbarossa. Deutsche und sowjetische Angriffspläne. Hamburg — Berlin, 1996; Becker, F. Im Kampf um Europa. Stalins Schachzüge gegen Deutschland und den Westen. Graz, 1991; Topitsch, E. Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik. Neuaufl. Herford 2. Aufl. 1993; Raack, R. C. Stalin's Drive to the West, 1938–1945. Stanford, 1995. См. также: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995.

²⁰⁵ Мельтюхов М. И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3. С. 4–22.

²⁰⁶ См.: U.S. Department of Defense. Dictionary of Military Terms. N.Y., 1988; Brockhaus Enzyklopadie. Wiesbaden, 1972. S. 98; Enciclopedia Universal. Tomo XLVII. Madrid, 1991. P. 337.

его изыскания подпитывают праворадикальные умонастроения в отечественной и западной литературе. Впрочем, вывод Мельтюхова в одной из новейших статей о том, что Германию «подтолкнуло»(?) к войне с Польшей поведение западных союзников, красноречиво говорит об эволюции его взглядов²⁰⁷.

По сути, позиция Резуна, Мельтюхова и их последователей сводится к теории заговора. Поскольку они ищут и ждут нужных документов, то получается, что сначала советские, а затем и российские власти сознательно скрывали и продолжают скрывать какие-то принципиально важные документы о войне, чтобы не позволить общественности узнать «правду» и не поспособствовать изменению привычных представлений о Великой Отечественной войне. Многие годы работая в разных архивах, осмелюсь утверждать, что никакого государственного задания засекретить, не выдавать, придержать какие-либо документальные пласты предвоенного или военного времени не существует. Речь идет о рутинных процессах, которые, к сожалению, занимают длительное время, а в каждом ведомстве оформляются соответствующими бюрократическими процедурами — работой экспертов разных учреждений, составлением протоколов, проставлением необходимых штампов и пр. Многие исследователи обоснованно жалуются на неспешность рассекретивания, но за всем этим злостная воля Кремля не прослеживается. Скорее всего, никаких детальных военных планов или масштабных приготовлений к «нападению» на Германию в 1941 г. (так считают большинство историков) вообще не существует. В таком случае «суворовцам» можно только посочувствовать — титанические усилия ушли в песок... К настоящему времени доказано, что известия о готовящемся германском нападении достигали Москвы и участились после утверждения плана «Барбаросса» 18 декабря 1940 г.²⁰⁸ Также известно, что Сталин считал сообщения о намерениях немцев дезинформацией. В какой-то степени его можно понять, так как донесения нередко противоречили друг другу. В них порой содержались взаимоисключающие сведения о намерениях Германии и о сроках предполагаемого нападения. Некоторые данные поступали из британских источников, что делало их особенно подозрительными: Англия была чрезвычайно заинтересована в том, чтобы втянуть Советский Союз в войну с Германией.

Кажущаяся уверенность, с которой Сталин оценивал постоянно поступающие, сбивавшие с толку донесения о предполагаемых планах Германии, основывалась на его убеждении, что при всей решимости Гитлера в обозримом будущем напасть на Советский Союз он не пойдет на это летом 1941 г., поскольку не захочет воевать на два фронта. Такого мнения генсек продолжал придерживаться и после поездки Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. По свидетельству Хрущева, Молотов даже спорил на эту тему со Сталиным, так как многим казалось, что война неизбежна. И все же тогда возобладало мнение, что этот момент можно оттянуть²⁰⁹. По свидетельству других «соратников», Сталин еще в июне 1941 г. считал, что немцы нападут в середине или конце следующего года²¹⁰.

²⁰⁷ См.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. М. 2000; Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала. М., 2019. С. 261; Люлечник В. Спор вокруг 1941 года // Новое Русское Слово. 1995. 22 сент.; Hoffmann, J. Op. cit.

²⁰⁸ Важнейшие донесения впервые опубликованы в: Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 198–223; полностью в: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1–2. М., 1995; Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995; Безыменский Л. А. Советская разведка перед войной // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 78–90; Он же. Der sowjetische Nachrichtendienst und der Kriegsbeginn von 1941. In: Ueberschär/Bezymenskij. Der deutsche Angriff. S. 103–115; Besymenski. Stalin und Hitler. S. 398–420.

²⁰⁹ Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. С. 272–273.

²¹⁰ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. Откровенные свидетельства. М., 1999. С. 23, 69, 400–406. См. также ссылки: Bonwetsch. Hitler — Stalin — Pakt. S. 572.

Когда советский лидер говорил о том, что Гитлер не станет без нужды начинать войну на два фронта, это означало: не начнет, если его не вынудит к этому угрожающее поведение СССР. Именно поэтому речь Сталина и другие его высказывания в форме тостов 5 мая 1941 г., как, впрочем, и вся атмосфера приема в честь выпускников военных академий, представляются примечательными. Само мероприятие имело характер публично разыгранной таинственности, будто ставилась цель привлечь как можно больше внимания и подчеркнуть важность происходящего. Заявления Сталина не предназначались для широкого тиражирования в прессе. В то же время они не составляли особой тайны, потому что произносились перед выпускниками 16 военных академий и 9 военных факультетов — перед аудиторией из нескольких сотен человек. Создается впечатление, что слушателей прямо призывали не к молчанию, а к распространению сути этого выступления в воинских частях.

Судя по сохранившейся в устной и письменной форме информации, Сталин в своей 40-минутной речи сравнил преимущества и недостатки армий двух стран и подчеркнул, что Красная армия сейчас уже ни в чем не отстает от вермахта. Он недвусмысленно намекнул на то, что фашистская Германия вынашивает агрессивные замыслы против Советского Союза и что война неминуема. Если повезет, ее можно оттянуть, но Красная армия стала сильнее: она в состоянии перейти от обороны к наступлению и должна воспитываться в наступательном духе. Речь была удивительно откровенной. Окружение Сталина увидело смысл речи в том, что она внушала военным уверенность в своих силах²¹¹.

О цели этого спектакля можно лишь догадываться. Показательно, что накануне генсек стал главой правительства. Верховный Совет утвердил это назначение 6 мая 1941 г. Рассуждения Сталина были, вероятно, обращены и к немецкому правительству, которому хотели послать дополнительный сигнал. Посол Шуленбург сразу истолковал это событие как стремление улучшить отношения с Германией, ставшие весьма напряженными после балканских событий²¹². Германский посол убежденно сообщал в Берлин, что Сталин стремится «уберечь Советский Союз от конфликта с Германией»²¹³. Аналогичное впечатление создалось и у московского представителя немецкого агентства новостей ДНБ. По его отчету, Сталин готовит страну «к новому компромиссу в отношениях с Германией»²¹⁴.

Действительно, с большой долей уверенности можно утверждать, что непосредственно перед войной Сталин стремился к такому «компромиссу». Донесения о готовящемся нападении он не просто игнорировал, а истолковывал на свой лад — как отвлекающие маневры перед операцией против Великобритании и как способ давления на Советский Союз²¹⁵. Его убежденность подкреплялась сообщениями, что Германия предъявит СССР некий ультиматум с экономическими, территориальными или политическими требованиями. Деканозов в подробном письме

²¹¹ Bezymenskij, L. A. Stalins Rede vom 5. Mai 1941 — neu dokumentiert. In: Ueberschär/Bezymenskij. Der deutsche Angriff. S. 131–145; Он же. Stalin und Hitler. S. 373–397; Bonwetsch, B. Nochmals zu Stalins Rede am 5. Mai 1941. In: Osteuropa 42.1992. S. 536–542; Он же. Stalins Äußerungen zur Politik gegenüber Deutschland. S. 150–152. Мало внимания до сих пор уделялось свидетельству Якова Чадаева, управляющего делами Совнаркома, присутствовавшего на этом мероприятии см.: Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 406–408.

²¹² Телеграмма Шуленбурга, 7.5.1941 г. ADAP, XII/2. S. 608.

²¹³ Телеграмма Шуленбурга, 12.5.1941 г. ADAP, XII/2. S. 661. Запись разговора Деканозова с Шуленбургом 9.5.1941 г. см. в документе № 258 в настоящем издании, а также: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 664–667.

²¹⁴ Шуленбург — в Министерство иностранных дел, 4.6.1941 г. ADAP, XII/2. S. 802–803; Hilger, G. Wir und der Kreml. Frankfurt am Main, 1955. S. 307.

²¹⁵ Такого же мнения придерживается и Хильгер: Hilger. Wir und der Kreml. S. 307.

Молотову от 4 июня 1941 г. докладывал о многочисленных слухах в немецкоязычной прессе и среди дипломатических представителей в Берлине о якобы готовящемся новом договоре между Германией и Советским Союзом, об их совместном контрударе против Англии, об «аренде Украины». В целом суть всех этих сообщений сводилась к тому, что Германия принудит Советский Союз к политическим и экономическим уступкам, которые помогут победить Соединенное Королевство²¹⁶.

Подобная дезинформация специально распространялась немцами. Она поступала в Москву обходными путями, как правило, через третьи страны, и как будто подтверждала донесения, приходившие непосредственно из Берлина²¹⁷. Требования, о которых в них говорилось, выглядели правдоподобно: увеличение поставок зерна и сырья, присоединение к пакту трех держав, техническая поддержка в войне с Англией²¹⁸. Все это должно было укрепить Сталина в уверенности, что Гитлера интересует только победа над Англией²¹⁹. Лишь в донесении из берлинского посольства от 11 июня, переданном Сталину, Молотову и Берии 12 июня, впервые говорилось: будут ли предъявлены Советскому Союзу какие-то требования перед уже окончательно решенным нападением — «неизвестно», так что «следует считаться с возможностью неожиданного удара»²²⁰.

В любом случае, в Москве до самого начала войны ожидали подобных требований. Не случайно Сталин утром 22 июня встретил генерального секретаря Коминтерна Димитрова словами: «Напали на нас, не предъявляя никаких претензий, не требуя никаких переговоров»²²¹. При этом его убеждение основывалось не только на слухах и предположениях, но и на поведении немецкого посла, который проявил инициативу, чтобы предотвратить советско-германский конфликт. Информация от Шуленбурга, судя по всему, имела для Сталина принципиальное значение. Этот сюжет хорошо отражен в документах АП РФ, и — редкое явление в сталинском архиве — записи бесед сохранились в нескольких экземплярах в разных делах. В тот день, когда Сталин на вечернем приеме произносил свою речь 5 мая 1941 г., Шуленбург вместе с советником посольства Хильгером встретился с советским послом в Берлине Деканозовым, который в то время находился в Москве. Шуленбург заявил, что при последней встрече с Гитлером 28 апреля ему не удалось убедить последнего в дружественных намерениях Советского Союза. У Гитлера, сказал посол, создалось впечатление, что Москва стремится препятствовать осуществлению Германией своих жизненных интересов и помешать ее стремлению победить Англию. Поэтому Гитлер, по его словам, вынужден провести мероприятия предосторожности на восточной границе Германии. Шуленбург сказал, что в Берлине и вообще в Германии в последнее время усиливаются слухи о предстоящей войне Советского Союза с Германией. Он, Шуленбург, всегда стремился к дружественным отношениям между обеими странами и видит свою задачу в том, чтобы эти слухи

²¹⁶ Деканозов — Молотову, 4.6.1941 г. // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 715–719.

²¹⁷ Секреты Гитлера. С. 11–12.

²¹⁸ Введение и донесения от 5 мая и 9 июня 1941 г. // Секреты Гитлера. С. 14–15, 65–66, 148–150; Календарь сообщений агентов берлинской резидентуры НКГБ СССР 6.9.1940 — 16.6.1941 г. // Органы государственной безопасности. Т. 1–2. С. 290, 292–293, 295 (немецкий перевод: Ueberschär/Bezymenskij. Der deutsche Angriff. S. 199–212). См. также: Besymenski. Stalin und Hitler. S. 423–425.

²¹⁹ Bezymenskij, L. A. Der sowjetische Nachrichtendienst und der Kriegsbeginn 1941. In: Ueberschär/Bezymenskij. Der deutsche Angriff. S. 107.

²²⁰ Кобулов — Сталину, Молотову и Берии, 12.6.1941 г. // Секреты Гитлера. С. 154–156.

²²¹ Dimitroff. Tagebücher. S. 392.

пресечь. К этим словам, согласно записи Деканозова, присоединился Хильгер, который во время всей беседы поправлял и дополнял Шуленбурга, «очевидно, лучше усвоив указания из Берлина». Хильгер сказал, что нужно что-то предпринять, чтобы рассеять эти слухи. Шуленбург также несколько раз повторял мысль, что следует что-то предпринять, чтобы пресечь слухи, поскольку с ними «нужно считаться как с фактом». Из-за неотложности проблемы Шуленбург настоял еще на одной встрече²²².

Она состоялась в советском министерстве иностранных дел 9 мая и проходила уже без Хильгера. Речь снова шла о советско-германских противоречиях последнего времени и о слухах о предстоящей войне. Деканозов в качестве возможности предложил совместное коммюнике, где подобные слухи опровергались бы как не имеющие оснований. Шуленбургу, не обладавшему никакими полномочиями, было важно, чтобы инициатива исходила от Сталина. Поэтому он сделал встречное предложение: Сталин мог бы — в связи с назначением его главой советского правительства — обратиться с письмами к главам правительств ряда дружественных СССР стран и в письме к Гитлеру предложить совместное германо-советское коммюнике. А поскольку дело очень спешное, то к письму можно сразу приложить примерное содержание коммюнике. Уходя, Шуленбург попросил довести его предложение до сведения Молотова и продолжить разговор на эту тему уже завтра или послезавтра. Деканозов пообещал позвонить, чтобы условиться о времени следующей встречи²²³, которая состоялась 12 мая 1941 г. вновь в присутствии Хильгера²²⁴. Деканозов, выполняя просьбу германского посла, поговорил со Сталиным и Молотовым и действовал теперь по их указаниям. В докладе Деканозова Молотову в тот же день говорится: «Я взял инициативу и сказал Шуленбургу следующее: я говорил с тов. Сталиным и Молотовым и рассказал им о предложении, сделанном Вами²²⁵ об обмене письмами в связи с необходимостью ликвидировать слухи об ухудшении отношений между СССР и Германией. И Сталин, и Молотов сказали, что в принципе они не возражают против такого обмена письмами, но считают, что обмен письмами должен быть произведен только между Германией и СССР. Так как срок моего пребывания в СССР истек и сегодня я должен выехать в Германию, то Сталин считает, что Вам²²⁶ следовало бы договориться с Молотовым о содержании и тексте писем, а также о совместном коммюнике»²²⁷.

В дневнике Деканозова сказано кратко: «Я взял инициативу, передав Шуленбургу содержание полученных мной директив»²²⁸. И в самом деле Деканозов дословно передал Шуленбургу рукописное указание, продиктованное Сталиным Молотову. Это значит, что Сталин с Молотовым полагали, что разговор о мерах по улучшению взаимоотношений имеет шансы на успех и должен быть перенесен на более высокий уровень. Такое мнение сложилось у них, возможно, из-за ошибочного впечатления Деканозова в отчете о первом разговоре 5 мая, будто Шуленбург и Хильгер действуют по указанию из Берлина. Конечно, советское руководство не могло подумать,

²²² Запись из дневника Деканозова, 5.5.1941 г. — документ № 209 в настоящем издании; Hilger. *Wir und der Kreml*. S. 308–309. Л. А. Безыменский (Besymenski. *Stalin und Hitler*. S. 425–428) также рассказывает об этих встречах, но, судя по всему, он располагал лишь общими сведениями об этих документах, поэтому вносит некоторую путаницу.

²²³ Запись из дневника Деканозова, 9.5.1941 г. См. документ № 258 в настоящем издании.

²²⁴ Запись из дневника Деканозова, 12.5.1941 г. См. документ № 259 в настоящем издании.

²²⁵ В тексте: «Шуленбургом».

²²⁶ В тексте: «г-ну Шуленбургу».

²²⁷ См.: Разговор Деканозова с Шуленбургом, 12.5.1941 г. // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 675–676.

²²⁸ Запись от 12.5.1941 г. См. документ № 259 в настоящем издании.

что германский посол осмелится на самостоятельную игру, тем более против намерений Гитлера. Но затем Шуленбург признался Деканозову, что разговаривал с ним в частном порядке. Он «не может продолжить этих переговоров в Москве с Молотовым, поскольку не имеет соответствующего поручения от своего правительства» и даже сомневается, что получит его. Поэтому Сталин и Молотов должны взять инициативу на себя, чтобы он мог доложить в Берлине о поступившем от советской стороны предложении²²⁹.

Демарш Шуленбурга и Хильгера, претендовавшего впоследствии на инициативу в этом деле²³⁰, преподносится в литературе как «предостережение» советскому правительству относительно планируемого Германией нападения²³¹. Большинство историков считают, что «русофил» Шуленбург действовал «по совести», искренне желая помочь²³². Если внимательно изучить записи бесед из АП РФ, то видно, что Шуленбург в концентрированном виде донес до кремлевского лидера всю нацистскую дезинформацию: Гитлер будто бы осуществляет оборонительные мероприятия на границе с СССР; приоритетом является война с Англией, и Москва должна в этом помогать; предстоящая война – это слухи и так далее. Но главное (именно эту фразу подчеркнул Сталин красным карандашом), Шуленбург сказал, что в ближайшее время Германия и Англия, возможно, договорятся друг с другом²³³.

И вот, в тот же день, когда Деканозов по поручению Сталина и Молотова предложил Шуленбургу обсудить идею обмена письмами и совместного коммюнике, в Англии появились первые сообщения о перелете Рудольфа Гесса. На следующий день Сталин получил практически одновременно запись разговора Деканозова с Шуленбургом и сообщения о высадке Гесса в Шотландии²³⁴. Этот таинственный перелет 10 мая 1941 г. вызвал в Москве сильную тревогу. О цели этого мероприятия гадали во всем мире, и Москва не была исключением. Вновь замаячил призрак сближения Германии и Англии, которого Сталин очень боялся. И вдруг показалось, что это время пришло быстрее, чем ожидалось. Приехав в Берлин, Деканозов 21 мая отправил Молотову доклад под заголовком «Предварительные данные о "случае с Гессом"», который, разумеется, был тут же передан Сталину²³⁵. В этом докладе сводились воедино существовавшие на тот момент официальные сообщения, слухи и предположения, ходившие в дипломатических кругах. Деканозов ничего не драматизировал, однако спокойный тон его доклада, вероятно, произвел на московских адресатов еще более угрожающее впечатление, поскольку подтверждал все вызванные загадочным происшествием опасения. Посол увидел в «случае с Гессом» показатель противоречий в германских правящих кругах по вопросу о дальнейшем курсе внешней политики и признак

²²⁹ Беседа Деканозова с Шуленбургом, 12.5.1941 г. // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 675–676. См. документ № 259 в настоящем издании.

²³⁰ Hilger. *Wir und der Kreml*. S. 308.

²³¹ Куманев Г. А. *Рядом со Сталиным*. М., 1999. С. 23; Микоян А. И. *Так было*. М., 1999. С. 377. Микоян пишет, что Шуленбург предупредил, что Гитлер нападет на СССР. Как мы видим из документов, это неправда. Такого рода утверждения показывают, как осторожно надо относиться к мемуарам.

²³² См.: Граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург. *Дипломат и участник Сопrotивления*: Сб. статей. М., 2012.

²³³ Запись беседы Деканозова с Шуленбургом, 12.5.1941 г. см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 150. По поводу бомбардировок англичанами немецких городов Шуленбург сказал, что, по его мнению, недалеко то время, когда они (воюющие стороны) должны прийти к соглашению и тогда прекратятся бедствия и разрушения, причиняемые городам обеих стран.

²³⁴ *Очерки истории Российской внешней разведки*. М., 1999. С. 263.

²³⁵ См. документ № 262 в настоящем издании.

сильного стремления к миру с Англией. Он также отметил обострение антисоветской пропаганды и настроений в Германии. Именно эти фразы выделил Сталин в докладе Деканозова. Столь же тревожные донесения поступали из Лондона²³⁶. Сейчас известно, что британское правительство не вело с Гессом секретных переговоров, но нарочно скрывало, что происходит. Этот спектакль разыгрывался главным образом для Москвы, которая, испугавшись, должна была отказаться от своего фактического союза с Берлином. Поскольку в Лондоне не знали твердо, действительно Гитлер собирается напасть на Советский Союз или только хочет запугать его и вынудить к уступкам, затеянная Великобританией игра была весьма рискованной. Эффект мог быть и прямо противоположным желаемому²³⁷.

Пределы готовности советской стороны к уступкам проверить невозможно. По словам Молотова, шла «большая игра» и «не все зависит от нас»²³⁸. Обстоятельства «исчезновения» Гесса, слухи и донесения о нем в мае 1941 г. укрепили подозрения Сталина, что вся эта история представляла собой попытку Гитлера заключить мир с Англией и даже, возможно, привлечь ее на свою сторону в борьбе с «большевизмом». Известно лишь одно высказывание Сталина о «случае с Гессом» в пересказе Хрущева. На замечание: «Не является ли бегство Гесса выполнением особой миссии по поручению Гитлера? Он взял все на себя с тем, чтобы ничем его не связывать, а на самом деле является посыльным Гитлера. Он не бежал, а фактически полетел туда по поручению Гитлера с тем, чтобы договориться с Лондоном о прекращении войны и развязать Гитлеру руки для похода на Восток», — Сталин ответил кратко: «Да, это так и было. Вы правильно понимаете этот вопрос»²³⁹.

Советский лидер никогда не верил в версию о сумасшествии Гесса, которую, кстати, почти сразу выдвинули в Берлине. После войны он получил подтверждение в виде показаний личного адъютанта Гесса, попавшего 9 мая 1945 г. в советский плен. Этот документ публикуется в книге²⁴⁰.

Некоторые авторы объясняют поведение Сталина наличием некоей личной переписки между двумя вождями²⁴¹. Подобный обмен письмами представляется чрезвычайно сомнительным²⁴². Нет никаких архивных или косвенных данных в поддержку этой версии. Однако есть все основания считать заявление ТАСС от 13 июня фактически запоздалой реакцией на инициативу Шуленбурга и Хильгера от 5 мая. Сообщение было составлено Сталиным с использованием идей и предложений Шуленбурга. Оно опровергало слухи о напряженности в советско-германских отношениях и якобы предъявленных Германией требований или намерении начать войну. Вечером 13 июня его зачитали по радио, а на следующее утро опубликовали в газетах. Ранее специалисты терялись в догадках, пытаясь объяснить смысл заявления ТАСС. Сейчас понятно, что это и есть «письмо» Сталина Гитлеру.

²³⁶ Gorodetsky. *Grand Delusion*. P. 267–274.

²³⁷ Schmidt, R. F. *Der Heß-Flug und das Kabinett Churchill. Hitlers Stellvertreter im Kalkül der britischen Kriegsdiplomatie Mai/Juni 1941*. In: *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 42.1994. S. 1–38; Он же. Rudolf Heß. «Botengang eines Toren»? *Der Flug nach Großbritannien vom 10. Mai 1941*. 3. Aufl. Düsseldorf, 2001; Douglas-Hamilton, J. *The truth about Hess*. Barnsley, 2016. P. 133–216.

²³⁸ Dimitroff. *Tagebücher*. S. 392.

²³⁹ Хрущев Н. С. *Время. Люди. Власть*. Т. 1. С. 273. Неясно, состоялась эта беседа еще до 22 июня 1941 г. или позже.

²⁴⁰ См. документ № 261 в настоящем издании.

²⁴¹ Besymenski. *Stalin und Hitler*. S. 429–431; Murphy, D. E. *What Stalin Knew: The Enigma of Barbarossa*. New Haven, 2005. P. 256–258; Lukacs, J. *June 1941. Hitler and Stalin*. New Haven, 2006. P. 147–158.

²⁴² Slutsch. *Stalin und Hitler*. S. 86.

Сталин и Молотов определенно ожидали ответа. Не зря Молотов заранее передал текст заявления Шуленбургу²⁴³. Однако Берлин молчал. Тогда, воспользовавшись поводом для вручения ноты о нарушении границы германскими самолетами, Молотов 21 июня вызвал Шуленбурга и задал ему прямые вопросы: Почему уезжают из Москвы сотрудники германского посольства с женами? Почему усиленно распространяются «в острой форме» слухи о надвигающейся войне между СССР и Германией? Почему не было опубликовано в Германии миролюбивое сообщение ТАСС от 13 июня и «в чем заключается недовольство Германии в отношении СССР, если такое имеется»? Шуленбург согласился с резонансностью вопросов, но признался, что не в состоянии на них ответить, так как «Берлин его совершенно не информирует»²⁴⁴. Согласно отчету посла, Молотов указал не только на то, что сообщение ТАСС не было опубликовано в Германии, но и вообще на полное отсутствие реакции, т.е. официального ответа²⁴⁵.

Ответ пришел ранним утром 22 июня, когда боевые действия уже начались, и расстроенный Шуленбург заявил Молотову о своем глубочайшем сожалении по поводу такого развития событий²⁴⁶. Сталин, однако, по-прежнему считал, что понимает Гитлера лучше, чем те, кто говорит о войне. Даже после начала германского наступления он некоторое время относился к происходящему как к провокации немецких военных, которые хотят втянуть Гитлера в войну с Советским Союзом²⁴⁷. Такая политика советского лидера стоила стране миллионы человеческих жизней.

Послесловие: проблемные сюжеты и перспективы исследований

Для анализа академической литературы о советско-германских отношениях в предвоенный период потребуется, вероятно, не одна книга. Мы пытались учесть все наиболее значимые работы и приносим извинения исследователям, публикации которых по недоразумению не названы. В предисловии не рассматриваются тексты околонучной литературы самопровозглашенных историков.

Как уже сказано, документы из АП РФ выявляют много интересных и отчасти новых сюжетов, но принципиально не меняют устоявшиеся представления. К сожалению, многие немецкие документы не пережили войну, а в Кремле часть решений принимали устно. Поэтому какие-то вопросы останутся спорными. Вместе с тем есть сюжеты, которые вполне можно осветить на основе архивов России. В первую очередь речь идет о судьбах советских дипломатов, работавших в Берлине и Москве. Мы очень мало знаем о Канделаки, Мерекалове, Астахове, Шкварцеве, Бабарине, Деканозове и многих других. Некоторых из них по возвращении из Берлина очень быстро посадили, по-видимому, из-за излишней осведомленности. В архиве ФСБ на них сохранились следственные дела, а в архиве МИДа — их учетные карточки и личные дела.

²⁴³ Недатированный машинописный проект сообщения: АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 177–178; Телеграмма Шуленбурга, 14.6.1941 г. АДАР, XII/2. С. 855–856 (с немецким переводом сообщения).

²⁴⁴ Беседа Молотова с Шуленбургом, 21.6.1941 г. // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 751–753.

²⁴⁵ Телеграмма Шуленбурга, 22.6.1941 г. АДАР, XII/2. С. 894. См. также: Hilger. Wir und der Kreml. S. 311.

²⁴⁶ Беседа Молотова с Шуленбургом, 22.6.1941 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 179–181.

²⁴⁷ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 355; Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 10-е. Т. 1. М., 1990. С. 9–10; Микоян А. И. Так было. М., 1999. С. 376–393.

Поскольку историки не имеют доступа к описям архива МИДа, то до сих пор остается неясным, какого рода информация по предвоенным отношениям с Германией остается секретной и каковы ее объемы по сравнению с опубликованными материалами. Если по ведомственным соображениям пока нет возможности снять ограничения, то большую пользу для науки имел бы сводный перечень входящих и исходящих шифротелеграмм в переписке с посольством в Берлине, к примеру, за 1939–1941 гг. Это позволило бы детально вникнуть в процесс принятия решений и понять эволюцию отношений двух стран. Неудовлетворительно освещается тема действий советской разведки в предвоенные годы. Многие из того, что мы имеем, — это полухудожественные очерки или мемуары, которые невозможно проверить. Такое состояние знаний не соответствует уровню современной науки²⁴⁸. Закрытость архивов ГРУ и СВР легко объяснить. Однако в ряде стран существует практика создавать целевые научные группы при ведомственных архивах. Они привлекают нужных специалистов и готовят серьезные работы по истории разведки, основанные на проверенных и достоверных источниках и рассчитанные на широкую аудиторию.

Требует внимания специалистов еще одна интересная и важная тема, которая почти не освещается в современной литературе. Речь идет о фальсификации документов высших органов советской власти, покупке их спецслужбами Запада и распространении среди руководителей государств. Судя по всему, практика изготовления подобных фальшивок была поставлена на поток. В приложении к Вестнику публикуется три примера подобных документов.

Самый таинственный эпизод, нуждающийся в прояснении, связан с информацией о возможном секретном визите Геринга в Великобританию с 21 по 24 августа 1939 г. Не ссылаясь на источники, Мельтюхов пишет, что «21 августа Берлин предложил Лондону принять 23 августа Геринга для переговоров, а Москве — Риббентропа для подписания договора о ненападении. И СССР, и Англия ответили согласием! Исходя из необходимости прежде всего подписать договор с Советским Союзом, Гитлер 22 августа отменил полет Геринга в Лондон. Пока же английское руководство, опасаясь сорвать визит Геринга, запретило мобилизацию»²⁴⁹. Поскольку в этих хлестких фразах нашего российского коллеги много неточностей, а читатели у нас привыкли доверять профессиональным историкам, то есть смысл рассмотреть этот сюжет подробнее.

Сведения поступили к британской разведке (адмирал Синклер) в виде шифровки от неназванного источника из Германии, близкого к Герингу. Получив эту информацию 21 августа, Галифакс посчитал, что это может иметь драматические последствия. Предполагалось, что Геринг прилетит, только если ему обеспечат встречу с премьер-министром. Именно 21 августа Чемберлен приехал в Лондон из отпуска. Судя по всему, после обсуждения с премьером Синклеру поручили сообщить по разведканалам, что такой визит может состояться. Спецслужбы стали искать отдаленный аэродром, с которого таинственного визитера можно было доставить в резиденцию премьера. Однако ни 21, ни 22 августа больше никакой информации не поступало. Тогда один из британских агентов получил задание «прояснить» вопрос. Им оказался австралийский авиатор Сидни Коттон. Он был профессиональным пилотом и под видом культурно-просветительской миссии летал над территорией Германии со спрятанными камерами в фюзеляже самолета. Он явился в германский МИД 23 августа и предложил принявшим его чиновникам послать Геринга в Лондон. Визит австралийца вызвал у мидовцев большое недоумение. Его вежливо выслушали, а потом выпроводили из здания. Галифакс ожидал какого-то разъяснения, но, опять же по

²⁴⁸ Как пример академического подхода к теме см.: Глазами разведки. СССР и Европа, 1919–1938. М., 2015.

²⁴⁹ Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала. Указ. соч. С. 256.

скупым данным разведки, Гитлер, якобы, отменил этот возможный визит. Британская разведка не раскрывает, кто конкретно стоял за этим предложением и причастен ли к нему вообще Фюрер. Однако никакого официального приглашения на приезд Геринга в Лондон британское правительство не давало. Не было и обсуждения этого вопроса в кабинете министров. Трудно понять, на что рассчитывали Чемберлен и Галифакс, если бы вдруг Геринг действительно прилетел. Совершенно точно такой визит невозможно было обставить тайно. Пришлось бы обсуждать в кабинете и парламенте. Можно предположить, что появление Геринга в Англии вызвало бы не только ажиотаж, но и большой скандал. К этому времени слово «умиротворение» уже приобрело сильный негативный оттенок, и правительство Чемберлена вряд ли продержалось бы долго. Никаких убедительных свидетельств в английских и немецких архивах, что это было формальное предложение, у нас нет²⁵⁰.

Риббентроп, наоборот, летел в Россию после официального обмена письмами, получив формальное приглашение. Об этом открыто сообщалось в прессе. Английское руководство не опасалось сорвать визит Геринга, так как в это же время посредником в возможных переговорах участвовал близкий знакомый нацистского чиновника, шведский предприниматель Далерус. Он встречался с Чемберленом, Галифаксом, Гитлером и Герингом. Об этой миссии, которая не дала результатов, много написано²⁵¹. Английское руководство не запрещало мобилизацию, «опасаясь сорвать визит Геринга». Действия высших лиц кабинета в литературе можно проследить буквально по часам. Решения должен был принимать парламент. На 24 августа было назначено его экстренное заседание²⁵².

У советской разведки были хорошие контакты в Лондоне. Мы не знаем точно, получил ли Сталин информацию по Герингу. Скорее всего, да, поскольку, по британским данным, вскоре после этих событий один из сотрудников шифровального отдела был арестован как советский агент. Его судили и приговорили к 10 годам тюрьмы²⁵³. Возможно, нацисты специально распространили информацию о визите Геринга, чтобы она «просочилась к Советам». Это могло сделать Москву более сговорчивой в предстоящих переговорах с Риббентропом. Фюрер нервничал и не был уверен в их успехе. Образ жизни и поведение Геринга в те дни, когда он якобы должен был лететь в Лондон, также не дают оснований думать о серьезности намерений. Гитлер мог специально водить за нос англичан, держа «дверь полуоткрытой» и создавая иллюзию возможной договоренности. В тот момент главным для него было договориться со Сталиным, чтобы 136 дивизий РККА, обещанных британцам и французам во время переговоров военных миссий в Москве, ни в коем случае не помогли Польше, когда начнется война. Он договорился.

²⁵⁰ Информация об этом эпизоде содержится в мемуарах Галифакса, в дневниках Кадогана и в личном фонде Галифакса. См.: Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge. Halifax papers, A4.410.3/10; Halifax, E. F. Fullness of days. L., 1957. P. 212; The diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 199.

²⁵¹ См.: Overy, R. 1939. Countdown to War. L., 2010.

²⁵² Очень подробно об этом см. в: Watt, D. Op. Cit.; Aster, S. 1939. The making of the Second World War. L., 1973.

²⁵³ См.: Howarth, St. August 1939. The last four weeks of peace in Europe. L., 1989.

Археографическое предисловие

Сборник документов «СССР — Германия. 1933–1941» является дополненным и расширенным переизданием «Вестника Архива Президента Российской Федерации», опубликованного в 2009 году.

В него вошли документы из нескольких описей фонда № 3 «Политбюро (Президиум) ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС».

В Архиве Президента Российской Федерации (далее АП РФ) в 2008 году были рассекречены дела тематической группы «Германия» (из описи т.н. тематических дел № 64 «Международные вопросы — страны»), которые охватывали период 20–30-х годов XX века. В них освещаются самые разные проблемы взаимоотношений двух стран — от секретных вопросов военного сотрудничества до рутинных деталей торговых операций.

Учитывая особую актуальность темы, составители в 2009 году сочли возможным в выпуске «Вестника» уделить основное внимание периоду с 1933 по 1941 год, то есть с момента прихода Гитлера к власти до нападения Германии на Советский Союз. Несмотря на значительное количество публикаций по этой теме, многие материалы до тех пор не публиковались или публиковались в отрывках и изложении.

Отбор документов для включения их в публикацию осуществлялся с учетом критерия новизны и соответствия целевому назначению публикации, отображению многоаспектности проблемы, а также полноты раскрытия темы. Отбирались преимущественно подлинники документов, и лишь при отсутствии подлинников в нее включались копии.

В связи с большим общественным вниманием к истории довоенного времени и советско-германских отношений в частности, в год 80-летия со дня начала Второй мировой войны, Российским историческим обществом, при содействии сотрудников департамента по обеспечению деятельности АП РФ, было принято решение подготовить второе издание Вестника, расширив его за счет вновь рассекреченных документов из АП РФ.

В публикацию были включены отдельные документы из описей № 50 «Вооруженные силы СССР», № 58 «Государственная безопасность и охрана общественного порядка» и № 63 «Международные вопросы».

Археографическое оформление, выбор и публикация текста документов проведены в соответствии с общепринятыми правилами публикации документов советского периода¹.

Документы в подборке располагаются в хронологической последовательности, при этом частичная утрата причинно-следственных связей между документами восстанавливается в текстовых примечаниях с помощью перекрестных отсылок.

Каждый документ имеет свой редакционный заголовок, номер (если он имеется) и дату. Если документ имеет собственный заголовок, то он сохраняется в виде подзаголовка.

Имеющиеся на документе грифы секретности, указание номера экземпляра и т. п. воспроизводятся как составная часть документа после редакционного заголовка, справа под датой.

Для каждого документа, после текста, указываются его поисковые данные: архив, номер фонда, номер описи, номер дела, листы дел, а также подлинность или копияность документа; характер воспроизведения текста указывается только для рукописных документов (автографов).

Резолюции, пометы, справки, относящиеся к документу, а также особенности воспроизведения текста, различные исправления в нем и т. п. оговариваются в археографических приме-

¹ Правила издания исторических документов в СССР. — М., 1990.

чаниях, обозначаемых знаком сноски в виде *, которые даются внизу страницы. Составители посчитали возможным не указывать в археографических примечаниях на имеющиеся в документах различного рода делопроизводственные пометы — регистрационные штампы и другие малозначимые в содержательном отношении особенности документов.

Все необходимые для более полного понимания содержания документа комментарии составителей, носящие поясняющий или справочный характер, приводятся в текстуальных примечаниях, помеченных арабскими цифрами, которые даются в валовом порядке после основного корпуса документов.

Документы публикуются полностью, без изъятий и сокращения текста, в соответствии с правилами современной орфографии. Исправление очевидных неточностей, орфографических и пунктуационных ошибок, не имеющих смыслового значения и не искажающих содержание документа, составителями не оговаривается. При этом не изменялись написания имен собственных, географических названий и т. п., которые соответствовали нормам того времени. Они придают своеобразный колорит документу и позволяют лучше почувствовать атмосферу времени. Нетрадиционные сокращения отдельных слов, встречающиеся в документах, были восстановлены полным их написанием с помощью квадратных скобок.

Научно-справочный аппарат включает научное предисловие, археографическую часть предисловия составителей, археографические и текстуальные примечания, именной указатель, именной комментарий, список сокращений.

Указатель имен представляет собой алфавитный перечень всех фамилий, упоминающихся в тексте документов, историческом предисловии и примечаниях по содержанию, с инициалами, которые удалось установить, и содержит отсылки на номера страниц.

Именной комментарий (справки о персоналиях) приводится отдельно от примечаний по содержанию для удобства пользования. Он представляет собой перечень имен лиц, за исключением лиц, на которых отсутствует биографическая информация, или есть только информация, имеющаяся в публикуемых документах. Справки располагаются в алфавитном порядке имен.

Все документы, имеющие гриф секретности, рассекречены в установленном порядке.

Выявление и отбор документов, подготовку предисловия и примечаний к документам, составление именного указателя и комментария выполнили А. В. Коротков, С. А. Мельчин, А. С. Степанов.

Составители выражают благодарность сотрудникам департамента по обеспечению деятельности А. Ф. Разлётову и В. Д. Лебедеву, а также начальнику департамента И. В. Кузнецовой.

Содержание

<i>Сергей Кудряшов. Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 годах.</i>	I
Археологическое предисловие.	LI

ДОКУМЕНТЫ

1932 год

№ 1. Запись из дневников Б. Д. Виноградова. 13 сентября	10
---	----

1933 год

№ 2. Записка С. И. Иванова И. В. Сталину. 25 января.	13
№ 3. Записка Н. Н. Крестинского И. В. Сталину. 20 марта	17
Приложение. Письмо Л. М. Хинчука Н. Н. Крестинскому. 19 марта.	17
№ 4. Проект письма в ЦК КП Германии. 20 марта	19
№ 5. Записка И. А. Пятницкого И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. М. Кагановичу. 29 марта Приложение. Резолюция Президиума ИККИ по докладу о положении в Германии. 29 марта.	24
№ 6. Выписка из протокола № 134 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 31 марта.	31
№ 7. Выписка из протокола № 137 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 29 апреля.	32
№ 8. Выписка из протокола № 137 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 9 мая	32
№ 9. Записка Л. М. Хинчука И. В. Сталину. 27 мая	33
№ 10. Запись из дневника М. М. Литвинова о беседе с фон Нейратом. 29 мая.	35
№ 11. Запись разговора С. А. Бессонова с Э. Мильхом. 3 июня	36
№ 12. Запись беседы В. М. Молотова с фон Дирксеном. 4 августа.	38
№ 13. Записка М. Антонова И. В. Сталину. 4 августа Приложение. Сообщение Я. К. Берзина К. Е. Ворошилову. 26 июля Объяснение полковника О. Гартмана. 22 июля	41
№ 14. Выписка из протокола № 143 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 10 августа	43
№ 15. Выписка из протокола № 145 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 13 сентября Приложение. О печати в связи с процессом о поджоге рейхстага	44
№ 16. Шифртелеграмма Л. М. Хинчука в НКВД СССР. 21 сентября.	45
№ 17. Выписка из протокола № 146 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 23 сентября	45
№ 18. Шифртелеграмма Л. М. Хинчука в НКВД СССР. 27 сентября.	46
№ 19. Выписка из протокола № 146 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 26 сентября	47
№ 20. Выписка из протокола № 146 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 26 сентября Приложение. Проект ответной ноты фон Твардовскому.	47
№ 21. Выписка из протокола № 146 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 27 сентября	49
№ 22. Выписка из протокола № 147 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 8 октября.	50
№ 23. Шифртелеграмма Л. М. Хинчука в НКВД СССР. 14 октября	50
№ 24. Шифртелеграмма Л. М. Хинчука М. М. Литвинову. 19 октября	51
№ 25. Шифртелеграмма Л. М. Хинчука Н. Н. Крестинскому. 24 октября	52
№ 26. Выписка из протокола № 148 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 25 октября.	52
№ 27. Шифртелеграмма Л. М. Хинчука Н. Н. Крестинскому. 25 октября	53

№ 28.	Шифртелеграмма Л. М. Хинчука Н. Н. Крестинскому. 27 октября	54
№ 29.	Запись из дневника М. М. Литвинова о беседе с фон Нейратом. 28 октября	55
№ 30.	Выписка из протокола № 148 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 29 октября Приложение. Шифртелеграмма М. М. Литвинова.	57
№ 31.	Дневник Н. Н. Крестинского о приеме фон Дирксена. 28 октября, 1 ноября	58
№ 32.	Записка К. Е. Ворошилова А. К. Сивкову [Не позднее 8 ноября]	60
№ 33.	Записка А. П. Розенгольца и Н. Н. Крестинского И. В. Сталину. 10 ноября	62

1934 год

№ 34.	Запись из дневника Л. М. Карахана о беседе с Р. А. Надольным. 5 января.	64
№ 35.	Записка М. И. Калмановича И. В. Сталину. 7 января Приложение. Письмо Майофиса правлению Госбанка СССР. 25 декабря 1933 г.	66
№ 36.	Записка Н. Н. Крестинского И. В. Сталину. 23 января	68
№ 37.	Выписка из протокола № 153 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 25 января.	69
№ 38.	Записка Н. Н. Крестинского И. В. Сталину. 19 марта	69
№ 39.	Выписка из протокола № 3 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 20 марта	71
№ 40.	Записка И. Я. Вейцера И. В. Сталину и В. М. Молотову. 22 марта	72
№ 41.	Записка Н. Н. Крестинского И. В. Сталину. 19 мая Приложение. Проект комментария для газеты «Известия».	73
№ 42.	Запись из дневника М. М. Литвинова о беседе с фон Нейратом. 13 июня	74
№ 43.	Шифртелеграмма М. М. Литвинова в НКВД СССР. 13 июля.	77
№ 44.	Записка НКВД СССР И. В. Сталину. 16 июля.	78
№ 45.	Записка Н. Н. Крестинского Л. М. Кагановичу. 9 августа.	78
№ 46.	Записка Ш. З. Элиавы Л. М. Кагановичу. 29 августа.	79
№ 47.	Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 3 сентября	81
№ 48.	Шифртелеграмма Л. Х. Фридрихсона Ш. З. Элиаве. 11 сентября	81
№ 49.	Записка Н. Н. Крестинского А. А. Жданову и В. В. Куйбышеву. 11 сентября Приложение. Меморандум Германского правительства. 8 сентября.	82
№ 50.	Выписка из протокола № 14 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 15 сентября Приложение. Записка И. В. Сталина в ЦК ВКП(б). 14 сентября	88
№ 51.	Шифртелеграмма И. В. Сталина Л. М. Кагановичу. 1 октября	89
№ 52.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 1 ноября.	89
№ 53.	Выписка из протокола № 16 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 2 ноября	91
№ 54.	Записка М. М. Литвинова А. Н. Поскребышеву. 5 ноября	92
№ 55.	Шифртелеграмма Л. Х. Фридрихсона А. П. Розенгольцу. 11 ноября	92
№ 56.	Письмо В. Пика И. В. Сталину. 16 ноября.	93
№ 57.	Выписка из протокола № 17 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 5 декабря	95
№ 58.	Выписка из протокола № 19 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 28 декабря Приложение. Основная номенклатура оборудования, подлежащего заказу в Германии в счет кредита в 200 млн марок.	95

1935 год

№ 59.	Шифртелеграмма Л. Х. Фридрихсона А. П. Розенгольцу и Д. В. Канделаки. 16 февраля	105
-------	---	-----

№ 60.	Шифровка Д. В. Канделаки А. П. Розенгольцу. 21 февраля	105
№ 61.	Шифровка Д. В. Канделаки А. П. Розенгольцу. 21 февраля	106
№ 62.	Шифртелеграмма А. П. Розенгольца Д. В. Канделаки. [Не позднее 22] февраля	107
№ 63.	Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б). 3 марта	108
№ 64.	Выписка из протокола № 22 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 3 марта	109
№ 65.	Агентурное донесение. 18 марта	110
№ 66.	Шифртелеграмма Д. В. Канделаки А. П. Розенгольцу. 21 марта	113
№ 67.	Шифртелеграмма А. П. Розенгольца Д. В. Канделаки в Берлин. 22 марта	114
№ 68.	Выписка из протокола № 23 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 22 марта	115
№ 69.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 7 апреля.	115
№ 70.	Выписка из протокола № 24 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 7 апреля	116
№ 71.	Выписка из протокола № 24 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 7 апреля	116
№ 72.	Выписка из протокола № 25 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 27 апреля Приложение. Список заказов.	117
№ 73.	Выписка из протокола № 25 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 4 мая	126
№ 74.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 5 мая	126
№ 75.	Шифртелеграмма М. М. Литвинова в НКВД СССР. 22 мая	128
№ 76.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 31 мая.	129
№ 77.	Шифртелеграмма А. П. Розенгольца Д. В. Канделаки. 25 июня.	130
№ 78.	Выписка из протокола № 28 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 25 июня	131
№ 79.	Письмо Д. В. Канделаки И. В. Сталину. 3 сентября	131
№ 80.	Записка Н. Н. Крестинского И. В. Сталину. 16 сентября Приложение. Справка о выступлениях антисоветского характера на нюрнбергском партийтаге. 16 сентября.	133
№ 81.	Выписка из протокола № 33 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 19 сентября Приложение. Постановление ЦК ВКП(б) «О германском кредите». 19 сентября	135
№ 82.	Записка С. П. Урицкого Л. М. Кагановичу. 27 сентября Приложение. Запись беседы Гитлера с Беком. 3 июля	139
№ 83.	Письмо Д. П. Бухарцева Н. И. Бухарину. 12 октября	144
№ 84.	Выписка из протокола № 34 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 2 ноября.	145
№ 85.	Записка Д. В. Канделаки И. В. Сталину, В. М. Молотову и А. П. Розенгольцу. 18 декабря	146
№ 86.	Выписка из протокола № 36 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 23 декабря Приложение. Телеграмма А. П. Розенгольца Д. В. Канделаки	148

1936 год

№ 87.	Записка Д. В. Канделаки И. В. Сталину, В. М. Молотову и А. П. Розенгольцу. 20 января	149
№ 88.	Шифртелеграмма А. П. Розенгольца Д. В. Канделаки. 5 марта	151
№ 89.	Записка Н. Н. Крестинского И. В. Сталину. 22 марта Приложение. Проект телеграммы М. М. Литвинову.	152
№ 90.	Шифртелеграмма Н. Н. Крестинского М. М. Литвинову. 22 марта.	153
№ 91.	Записка Н. Н. Крестинского И. В. Сталину. 3 июня Приложение. Письмо Я. З. Сурица Н. Н. Крестинскому. 3 июня	154

№ 92.	Записка С. П. Урицкого К. Е. Ворошилову. 31 мая Приложение. Доклад о японо-германском сотрудничестве.	155
№ 93.	Записка С. Е. Чуцкаева и Н. Н. Крестинского И. В. Сталину. 29 июня Приложение. Проект постановления.	160
№ 94.	Выписка из протокола № 42 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 7 августа.	161
№ 95.	Записка Д. В. Канделаки И. В. Сталину, В. М. Молотову и А. П. Розенгольцу. 20 августа.	162
№ 96.	Письмо Д. В. Канделаки И. В. Сталину. 20 октября.	163
№ 97.	Выписка из протокола № 44 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 9 декабря.	165
№ 98.	Запись из дневника Я. З. Сурица о беседе с Г. Герингом. 14 декабря.	166

1937 год

№ 99.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 4 февраля.	169
№ 100.	Записка Д. В. Канделаки И. В. Сталину, В. М. Молотову и А. П. Розенгольцу. 17 марта.	170
№ 101.	Записка А. П. Розенгольца И. В. Сталину и В. М. Молотову. 22 апреля Приложение. Шифртелеграмма А. П. Розенгольца Л. Х. Фридрихсону. 22 апреля.	171
№ 102.	Записка А. П. Розенгольца И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и Н. И. Ежову. 3 мая Приложение. Телеграмма Л. Х. Фридрихсона А. П. Розенгольцу. 30 апреля.	172
№ 103.	Записка К. Я. Баумана И. В. Сталину и В. М. Молотову. 7 июня.	173
№ 104.	Записка В. П. Потемкина И. В. Сталину. 7 октября.	174
№ 105.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова в НКВД СССР. 9 октября.	175
№ 106.	Запись из дневника В. П. Потемкина о беседе с фон Шуленбургом. 13 октября.	176
№ 107.	Записка Б. С. Стомонякова И. В. Сталину. 9 ноября.	177
№ 108.	Заметка из газеты «Правда». 10 ноября.	178
№ 109.	Запись беседы между А. Гитлером и Э. Галифаксом. 19 ноября.	179
№ 110.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова в НКВД СССР. 30 ноября.	189
№ 111.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 20 декабря.	190
№ 112.	Выписка из протокола № 56 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 21 декабря.	191

1938 год

№ 113.	Шифртелеграмма С. С. Александровского в НКВД СССР. 13 марта.	192
№ 114.	Записка М. М. Литвинова С. С. Александровскому. 26 марта.	193
№ 115.	Шифртелеграмма Фина. 9 мая.	195
№ 116.	Выписка из письма Свана. 4 июля.	196
№ 117.	Шифртелеграмма А. Ф. Мерекалова в НКВД СССР. 6 июля.	197
№ 118.	Запись беседы С. С. Александровского с Э. Бенешем. 16 августа.	198
№ 119.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 29 августа.	204
№ 120.	Шифртелеграмма М. М. Литвинова С. С. Александровскому. 2 сентября.	205
№ 121.	Шифртелеграмма В. П. Потемкина М. М. Литвинову. 15 сентября.	206
№ 122.	Записка В. П. Потемкина И. В. Сталину. 20 сентября.	207
№ 123.	Выписка из протокола № 64 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 20 сентября.	208

№ 124.	Записка В. П. Потемкина И. В. Сталину. 23 сентября. Приложение. Записи бесед В. П. Потемкина с З. Фирлинтером и Янковским.	208
№ 125.	Шифртелеграмма С. С. Александровского в НКВД СССР. 23 сентября	212
№ 126.	Шифртелеграмма М. М. Литвинова И. В. Сталину. 23 сентября	212
№ 127.	Шифртелеграмма Я. З. Сурица М. М. Литвинову. 25 сентября	231
№ 128.	Шифртелеграмма В. П. Потемкина М. М. Литвинову. 26 сентября	214
№ 129.	Запись беседы Г. Осетрова с О. Палас. 26 сентября	214
№ 130.	Запись беседы Г. Осетрова с О. Палас. 28 сентября	215
№ 131.	Шифртелеграмма И. М. Майского в НКВД СССР. 29 сентября	216
№ 132.	Шифртелеграмма С. С. Александровского в НКВД СССР. 30 сентября	218
№ 133.	Шифртелеграмма С. С. Александровского в НКВД СССР. 30 сентября	218
№ 134.	Шифртелеграмма В. П. Потемкина И. М. Майскому. 3 октября	219
№ 135.	Шифртелеграмма И. М. Майского в НКВД СССР. 3 октября	219
№ 136.	Записка В. П. Потемкина И. В. Сталину. 3 октября Приложение. Проект сообщения ТАСС.	221
№ 137.	Сообщение ТАСС, опубликованное в газете «Правда». 4 октября	222
№ 138.	Шифртелеграмма В. П. Потемкина С. С. Александровскому. 4 октября	222
№ 139.	Шифртелеграмма В. П. Потемкина советским полпредам в Париже, Лондоне, Вашингтоне и Праге. 4 октября	223
№ 140.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 8 октября	223
№ 141.	Шифртелеграмма М. М. Литвинова И. М. Майскому. 8 октября	224
№ 142.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 16 ноября	224
№ 143.	Записка Л. П. Берии И. В. Сталину. 26 ноября	225
№ 144.	Выписка из протокола № 66 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 28 ноября	225
№ 145.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 1 декабря	226
№ 146.	Шифртелеграмма И. М. Майского в НКВД СССР. 2 декабря	227
№ 147.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 3 декабря	228
№ 148.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 14 декабря	229

1939 год

№ 149.	Выписка из протокола № 67 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 7 января	230
№ 150.	Записка Л. П. Берии И. В. Сталину. 9 января Приложение. Записка М. М. Литвинова Л. П. Берии. 7 января	230
№ 151.	Шифртелеграмма А. Ф. Меркалова в НКВД СССР. 12 января	232
№ 152.	Запись из дневника В. П. Потемкина о приеме фон Типпельскирха. 28 января	233
№ 153.	Шифртелеграмма А. Ф. Меркалова в НКВД СССР. 6 февраля	234
№ 154.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 16 марта	234
№ 155.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину 17 марта Приложение. Перевод нот литовского и германского правительств.	235
№ 156.	Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину. 14 апреля	237
№ 157.	Шифртелеграмма М. М. Литвинова А. Ф. Меркалову. 14 апреля	238
№ 158.	Письмо Г. А. Астахова М. М. Литвинову. 19 апреля	238
№ 159.	Из дневника Г. А. Астахова. 27 апреля	241
№ 160.	Шифртелеграмма А. В. Терентьева в НКВД СССР. 8 мая	244
№ 161.	Шифртелеграмма В. М. Молотова А. В. Терентьеву. 9 мая	244

№ 162.	Шифртелеграмма А. В. Терентьева В. М. Молотову. 10 мая	245
№ 163.	Запись из дневника В. П. Потемкина о приеме фон Шуленбурга. 20 мая	246
№ 164.	Шифртелеграмма Я. З. Сурица в НКВД СССР. 26 мая	247
№ 165.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова в НКВД СССР. 27 мая	247
№ 166.	Текст сообщения для печати. Не позднее 29 мая.	248
№ 167.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова в НКВД СССР. 30 мая	248
№ 168.	Записка А. Е. Богомолова И. В. Сталину. 10 июня Приложение. Беседа Г. А. Астахова с фон Вайцсекером. 2 июня.	250
№ 169.	Заключение Правительства СССР (Решение Политбюро ЦК ВКП(б) без оформления) 16 июня	253
№ 170.	Запись беседы А. И. Микояна с Г. Хильгером. 17 июня Приложение. Текст, зачитанный Г. Хильгером во время беседы с А. И. Микояном 17 июня 1939 г.	254
№ 171.	Запись беседы Г. А. Астахова с фон Шуленбургом. 22 июня	255
№ 172.	Текст решения Политбюро ЦК ВКП(б). 14 июля.	257
№ 173.	Шифртелеграмма Е. И. Бабарина А. И. Микояну. 18 июля.	258
№ 174.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова в НКВД СССР. 21 июля.	260
№ 175.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова в НКВД СССР. 25 июля.	261
№ 176.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова в НКВД СССР. 27 июля.	261
№ 177.	Запись из дневника Г. А. Астахова. 27 июля	262
№ 178.	Запись из дневника Г. А. Астахова. 27 июля	267
№ 179.	Шифртелеграмма Л. Б. Гельфанда в НКВД СССР. 28 июля	269
№ 180.	Запись беседы Г. А. Астахова с фон Риббентропом и К. Шнурре. 3 августа	270
№ 181.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова в НКВД СССР. 3 августа.	274
№ 182.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова в НКВД СССР. 3 августа.	275
№ 183.	Шифртелеграмма В. М. Молотова Г. А. Астахову. 4 августа.	276
№ 184.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова В. М. Молотову. 5 августа.	276
№ 185.	Шифртелеграмма В. М. Молотова Г. А. Астахову. 7 августа.	277
№ 186.	Памятка к переговорам с английской и французской делегациями. 7 августа	277
№ 187.	Письмо Г. А. Астахова В. М. Молотову. 8 августа	279
№ 188.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова В. М. Молотову. 10 августа.	281
№ 189.	Шифртелеграмма В. М. Молотова Г. А. Астахову. 12 августа.	282
№ 190.	Письмо Г. А. Астахова В. М. Молотову. 12 августа	282
№ 191.	Запись беседы Г. А. Астахова с К. Шнурре. 13 августа.	283
№ 192.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова В. М. Молотову. 13 августа.	285
№ 193.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова В. М. Молотову. 15 августа.	286
№ 194.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова В. М. Молотову. 17 августа.	286
№ 195.	Запись из дневника В. Молотова о приеме фон Шуленбурга. 21 августа Приложение. Телеграмма А. Гитлера И. В. Сталину	287
№ 196.	Запись из дневника В. М. Молотова о приеме фон Шуленбурга. 21 августа Приложение. Телеграмма И. В. Сталина А. Гитлеру. 21 августа.	289
№ 197.	Проект сообщения ТАСС. 22 августа	290
№ 198.	Проекты Договора между Германским Правительством и Правительством Союза Советских Социалистических Республик. 24 августа.	290

№ 199.	Запись беседы К. Е. Ворошилова и Б. М. Шапошникова с главами военных миссий Великобритании и Франции. 25 августа	293
№ 200.	Краткий отчет о работе совещания военных миссий СССР, Великобритании и Франции. [25] августа	294
№ 201.	Шифртелеграмма Г. А. Астахова В. М. Молотову. 29 августа	300
№ 202.	Перечень основных событий в период англо-франко-советских переговоров с 15 марта по 1 сентября 1939 г. [1] сентября	301
№ 203.	Шифртелеграмма А. А. Шкварцева В. М. Молотову. 3 сентября	310
№ 204.	Выписка из протокола № 7 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 4 сентября	310
№ 205.	Записка А. И. Микояна И. В. Сталину и В. М. Молотову. 7 сентября Приложение. Проект постановления ЦК ВКП(б) о составе комиссии для посылки в Германию и Италию Справка на членов комиссии	311
№ 206.	Записи из дневника А. А. Шкварцева. 3 и 4 сентября	313
№ 207.	Письмо А. А. Шкварцева В. М. Молотову. 4 сентября	315
№ 208.	Текст сообщения фон Шуленбурга В. М. Молотову. 16 сентября	316
№ 209.	Письмо фон Шуленбурга В. Молотову. 20 сентября	318
№ 210.	Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 8 октября	319
№ 211.	Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 15 октября	320
№ 212.	Записка А. И. Микояна И. В. Сталину. 17 октября Приложение. Запись беседы А. И. Микояна с германской экономической делегацией. 9 октября Запись беседы А. И. Микояна с германской экономической делегацией. 10 октября Запись беседы А. И. Микояна с представителями немецкой экономической делегации. 14 октября	320
№ 213.	Записка А. И. Микояна И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и Л. М. Кагановичу. 17 октября Приложение. Запись беседы А. И. Микояна с представителями германской экономической делегации. 17 октября	329
№ 214.	Записка Л. П. Берии И. В. Сталину. 19 октября Приложение. Сообщение фон Шуленбурга. 14 октября	332
№ 215.	Записка К. Е. Ворошилова И. В. Сталину и В. М. Молотову. 20 октября Приложение. Программа особых заказов и закупок	334
№ 216.	Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 23 октября Приложение. О составе хозяйственной комиссии, направленной в Германию	352
№ 217.	Записка А. И. Микояна И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову. 4 ноября Приложение. Запись переговоров авиационной бригады Комиссии СССР с представителями Министерства авиации Германии. 28 октября Запись переговоров бригады судостроения Комиссии СССР с представителями Морского министерства Германии. 28 октября Запись переговоров бригады морского вооружения Комиссии СССР с морской группой специалистов Германии. 28 октября	355
№ 218.	Шифртелеграмма И. Ф. Тевосяна, А. А. Шкварцева и Г. К. Савченко И. В. Сталину, В. М. Молотову и А. И. Микояну. 28 октября	366

№ 219.	Шифртелеграмма И. Ф. Тевосяна, А. А. Шкварцева и Г. К. Савченко И. В. Сталину, В. М. Молотову и А. И. Микояну. 29 октября.....	367
№ 220.	Шифртелеграмма И. Ф. Тевосяна, Г. К. Савченко И. В. Сталину, В. М. Молотову и А. И. Микояну. 3 ноября.....	370
№ 221.	Шифртелеграмма И. Ф. Тевосяна, А. А. Шкварцева и Г. К. Савченко И. В. Сталину, В. М. Молотову и А. И. Микояну. 6 ноября.....	371
№ 222.	Записка И. Ф. Тевосяна и Г. К. Савченко И. В. Сталину. 14 ноября Приложение. Запись беседы И. Ф. Тевосяна с К. Риттером. 13 ноября.....	372
№ 223.	Записка И. Ф. Тевосяна и Г. К. Савченко И. В. Сталину. 14 ноября Приложение. Таблица данных германских самолетов 1939 года.....	375
№ 224.	Постановление СНК СССР. 14 ноября Приложение. Инструкция советской делегации в Центральной смешанной советско-германской пограничной комиссии.....	378
№ 225.	Шифртелеграмма А. А. Шкварцева В. М. Молотову. 15 ноября.....	381
№ 226.	Шифртелеграмма И. Ф. Тевосяна, Г. К. Савченко, А. А. Шкварцева и Е. И. Бабарина И. В. Сталину, В. М. Молотову, А. И. Микояну и К. Е. Ворошилову. 8 декабря.....	382
№ 227.	Письмо фон Шуленбурга В. М. Молотову. 20 ноября.....	384
№ 228.	Шифртелеграмма И. Ф. Тевосяна, Г. К. Савченко, А. А. Шкварцева и Е. И. Бабарина И. В. Сталину, В. М. Молотову, А. И. Микояну и К. Е. Ворошилову. 9 декабря.....	385
№ 229.	Записка А. И. Микояна И. В. Сталину. 14 декабря Приложение. Содержание устного сообщения германского посла. 14 декабря Сообщение германского посла. 14 декабря Запись беседы А. И. Микояна с фон Шуленбергом. 14 декабря.....	387

1940 год

№ 230.	Записка Л. П. Берии И. В. Сталину. 29 января.....	392
№ 231.	Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 4 марта Приложение. Список членов комиссии по размещению заказов в Германии.....	393
№ 232.	Записка И. Ф. Тевосяна и А. С. Яковлева И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и А. И. Микояну. 2 апреля Приложение. Актовая заметка о переговорах И. Ф. Тевосяна с Э. Удетом. 28 марта.....	396
№ 233.	Записка И. Ф. Тевосяна и Г. К. Савченко И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и А. И. Микояну. 2 апреля Приложение. Актовая заметка о беседе И. Ф. Тевосяна и Г. К. Савченко с Г. Герингом. 29 марта.....	398
№ 234.	Записка А. И. Микояна И. В. Сталину и В. М. Молотову. 7 апреля Приложение. Запись беседы А. И. Микояна с фон Шуленбергом. 5 апреля.....	401
№ 235.	Шифртелеграмма И. В. Сталина И. Ф. Тевосяну. 8 апреля.....	404
№ 236.	Записка Л. П. Берии И. В. Сталину. 9 апреля.....	405
№ 237.	Шифртелеграмма И. Ф. Тевосяна А. И. Микояну. 11 апреля.....	406

№ 238.	Шифртелеграмма И. Ф. Тевосяна И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и А. И. Микояну. 12 апреля	407
№ 239.	Записка В. М. Молотова в Политбюро ЦК ВКП(б). 9 мая Приложение. Постановление СНК СССР. 14 мая	408
№ 240.	Проект ноты НКВД СССР. 12 августа	409
№ 241.	Записка А. И. Микояна И. В. Сталину и В. М. Молотову. 13 августа	411
№ 242.	Выписка из протокола № 19 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 15 августа.	412
№ 243.	Записка Л. Я. Ровинского А. Н. Поскребышеву. 21 августа Приложение. Текст статьи.	413
№ 244.	Записка Л. П. Берии И. В. Сталину. 1 октября	416
№ 245.	Записка Л. П. Берии И. В. Сталину. 24 октября Приложение. Сводка, октябрь	417
№ 246.	Запись из дневника В. М. Молотова о беседе с Г. Герингом. 13 ноября	419
№ 247.	Запись из дневника В. М. Молотова о беседе с Г. Гессом. 13 ноября	423
№ 248.	Записка Я. С. Хавинсона А. Н. Поскребышеву. Не позднее 14 ноября Приложение. Информация ТАСС. Не позднее 14 ноября	424
№ 249.	Шифртелеграмма В. М. Молотова в Вашингтон. 17 ноября	426
№ 250.	Запись беседы В. М. Молотова с фон Шуленбургом. 25 ноября Приложение. В. М. Молотов — фон Шуленбургу. 25 ноября.	426

1941 год

№ 251.	Текст меморандума Германского правительства. 6 марта.	429
№ 252.	Выписка из протокола № 28 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 10 марта	432
№ 253.	Записка А. И. Микояна И. В. Сталину и В. М. Молотову. 11 марта Приложение. Итоги выполнения Хозяйственного Соглашения между СССР и Германией	433
№ 254.	Записка А. И. Микояна И. В. Сталину и В. М. Молотову. 26 марта Приложение. Протокол переговоров Уполномоченных Правительства СССР и Правительства Германии по проверке выполнения Хозяйственного Соглашения между СССР и Германией Советские поставки в Германию, осуществленные на основе Хозяйственного Соглашения между СССР и Германией Германские поставки в СССР, осуществленные на основе Хозяйственного Соглашения между СССР и Германией	438
№ 255.	Записка А. Я. Вышинского В. М. Молотову. 31 марта	446
№ 256.	Записка А. И. Шахурина И. В. Сталину. 25 апреля. Приложение. Отчет о посещении заводов авиационной промышленности СССР германской авиационной комиссией.	446
№ 257.	Запись из дневника В. Г. Деканозова о беседе с фон Шуленбургом. 5 мая	451
№ 258.	Запись из дневника В. Г. Деканозова о беседе с фон Шуленбургом. 9 мая	453
№ 259.	Запись из дневника В. Г. Деканозова о беседе с фон Шуленбургом. 12 мая	456
№ 260.	Текст заявления В. Г. Деканозова фон Шуленбургу. 12 мая	458
№ 261.	Записка С. Н. Круглова И. В. Сталину. 28 февраля 1948 г. Приложение. Заявление К. Пиншта. 23 февраля 1948 г.	459
№ 262.	Записка С. П. Козырева А. Н. Поскребышеву. 26 мая Приложение. Письмо В. Г. Деканозова. 21 мая.	466

№ 263.	Запись из дневника А. Я. Вышинского о приеме фон Шуленбурга. 28 мая Приложение. Сообщение НКВД СССР. 28 мая Сообщение НКВД СССР. 28 мая Сообщение фон Шуленбургу. 28 мая Меморандум НКВД СССР. 28 мая	471
№ 264.	Записка А. И. Микояна И. В. Сталину. 13 июня.	475
№ 265.	Выписка из протокола № 34 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 14 июня	476
№ 266.	Запись из дневника А. Я. Вышинского о приеме фон Шуленбурга. 14 июня.	476
№ 267.	Запись из дневника В. М. Молотова о приеме фон Шуленбурга. 22 июня 1941 г.	479
№ 268.	Шифртелеграмма А. С. Панюшкина в МИД СССР. 23 января 1948 г.	480

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1.	Записка И. А. Серова В. Н. Малину. 14 апреля 1954 г. Приложение. Вопросник Переводы документов. 12 апреля 1954 г.	483
№ 2.	Справка Т. К. Силиной и В. Н. Чернухи. 22 января 1960 г.	488
№ 3.	Записка И. А. Серова Н. С. Хрущеву. 15 апреля 1954 г. Приложение. Решение Политбюро ЦК ВКП(б). 21 июля 1935 г.	489
№ 4.	Справка В. Н. Чернухи и Т. К. Силиной. 26 января 1960 г.	492
№ 5.	Записка А. И. Перепелицына в ЦК КПСС. 24 августа 1963 г.	492
№ 6.	Записка В. Н. Чернухи А. И. Перепелицыну. 31 августа 1963 г.	494
	Примечания.	497
	Именной указатель	503
	Именной комментарий.	515
	Список сокращений	559